

УДК 327

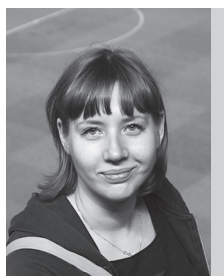
DOI 10.17506/dipi.2018.31.2.30113

ПЕРСОНАЛЬНЫЙ ВКЛАД УРАЛЬСКИХ УЧЕНЫХ В ИЗУЧЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДИСКУРСОВ: СТРУКТУРНО-ТЕМАТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Русакова Ольга Фредовна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
доктор политических наук, профессор,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Грибовод Екатерина Григорьевна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
кандидат политических наук,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: gribovod_kate@mail.ru

Аннотация

Основная цель данной статьи – раскрытие наиболее значимых индивидуальных достижения уральских ученых, работающих в Институте философии и права УрО РАН, в области исследований конкретных видов политического дискурса и методов его анализа.

В обзоре дается краткое описание основной дискурсологической тематики, персонально разработанной уральскими учеными. Все материалы структурированы по тематическим рубрикам, фиксирующих внимание на научных интересах авторов. Содержание рубрик представлено в авторской редакции. Материалы излагаются, главным образом, в форме постулатов и выводов. Разработанная модель обзора позволяет целостно представить вклад каждого уральского ученого в развитие политической дискурсологии.

Ключевые понятия:

дискурс политической философии, дискурс марксизма, дискурс постмодерна, дискурс постфордизма, дискурс посткапитализма, делиберативный дискурс, неолиберальный дискурс, городской дискурс, дискурс гражданственности, дискурс демократии, дискурс конформизма, медиадискурс, дискурс медиатизации политики, дискурс мягкой силы, дискурс мобильности, дискурс политики памяти.

За последние годы представителями уральской школы политической дискурсологии было опубликовано множество трудов в жанрах индивидуальных и коллективных монографий, статей, докладов научных конференций. В целях обобщения опыта каждого уральского дискурсолога в области разработки конкретных тем и проблем, связанных с анализом того или иного вида политического дискурса, мы составили краткий обзор опубликованных материалов. Все материалы тематически структурированы и представлены в форме рубрик. Внутри рубрик размещены тексты в виде постулатов, итоговых обобщений и выводов относительно проделанной работы. Распределение обзорного материала сделано одновременно по алфавитному и тематическому принципам.

Структурно выработанная модель презентации авторских достижений выглядит следующим образом: ФИО автора, ученая степень, должность, название рубрик, отражающих тематику, и проблемы, которые разрабатывает автор. Все материалы рубрик снабжены сносками на источники, то есть на персональные научные труды сотрудников и аспирантов Института философии и права УрО РАН.

Вахрушева Евгения Александровна – кандидат политических наук, ученый секретарь Института философии и права УрО РАН.

Тематика дискурс-исследований

1.1. Дискурс политической философии Фредерика Джеймисона

Обозначены дискурсивные контуры политической философии Фредерика Джеймисона. Показано, что Джеймисон принимает некоторые принципы и категории описания постмодернистского общества и культуры, разработанные постмодернистскими теоретиками, такие как «шизофренический субъект» (Ж. Делез и Ф. Гваттари) и «симулякр» (Ж. Бодрийяр) и в целом концептуализирует культуру современного общества как постмодернизм. Однако в отличие от теоретиков-постмодернистов, для которых свойственны позитивные или нейтральные оценки современных тенденций общественного развития, позиция Джеймисона в отношении этих тенденций носит ярко выраженный критический характер. В этой связи утверждается, что характеристика политической философии Ф. Джеймисона как «неомарксистского постмодернизма», которая фигурирует в российской политической науке, является некорректной. Показывается, что ее следует характеризовать как «постмодернистский неомарксизм», поскольку

именно марксизм является основной методологической рамкой политико-философского проекта Джеймисона [4; 5].

1.2. Дискурс неомарксистской диалектики

Рассмотрены характерные особенности диалектики американского философа-неомарксиста Фредрика Джеймисона. Показано, что Джеймисон привнес в марксистскую диалектику много новых эвристических идей (методологию тотализации и когнитивного картографирования, концепцию метасинхронии) и тем («поздний» капитализм, эстетическое преломление современного капитализма в постмодернизме). Однако при всем этом в политико-философском дискурсе Джеймисона сохраняются и углубляются основные черты диалектики К. Маркса, а именно: классовый подход, трансцендирующая сила диалектического метода, системность и конкретно-исторический анализ социального бытия [88].

1.3. Дискурс о глобализации

Осуществлен анализ критической концепции глобализации Фредрика Джеймисона, ее философских и политических оснований. Показано, что в своей трактовке феномена глобализации американский теоретик исходит из гегелевской идеи о диалектике Тождества и Различия, что проявляется не только в рассмотрении глобализации как диалектики унификации и многообразия, но и в признании диалектики культуры и экономики внутренней логикой развития современного капитализма. На основе сопоставления ключевой для Джеймисона идеи о слиянии различных уровней экономического, культурного и политического как фундаментальной характеристики постсовременности с предлагаемыми им стратегиями противостояния глобализации сделан вывод о том, что главную роль в борьбе с глобализацией Джеймисон отводит стратегии когнитивного картографирования [3].

1.4. Категории пространства и идентичности в постмодернистском дискурсе

Осуществлен анализ категории пространства в концепции постмодернизма Фредрика Джеймисона. Показано, что, с его точки зрения, поздний капитализм порождает политическое и социальное пространство качественно нового порядка, определяющей характеристикой которого является радикальное вытеснение времени как формы восприятия бытия исключительно спатальными формами, что позволяет ему говорить о постмодернизме как о «конце темпоральности». В этих условиях постмодернистский субъект утрачивает способность мыслить будущее, а его сознание редуцируется к пространству «вечного настоящего». Как следствие, перестает выполняться и одна из конститутивных для Джеймисона функций политики – производство образов будущего и утопий.

Исследована проблематика идентичности в работах Фредрика Джеймисона. Установлено, что проблема идентичности предстает у Джеймисона как апория, как неразрешимый конфликт индивида со своим Я и внешним миром. Истоки этой атории лежат в его понимании структуры психики, которое он заимствовал у Лакана. Согласно Лакану, психика человека представлена тремя порядками, или регистрами, – Реальным, Воображаемым и Символическим, – которые коррелируют со стадиями ее развития. Вместе с тем, помещая индивида в исторический

контекст позднего капитализма, Джеймисон обнаруживает, что архаические, «природные» структуры его сознания, ранее прорывавшиеся сквозь порядок Символического, теперь окончательно подавлены [6; 35].

1.5. Дискурсивное поле критических городских исследований

Исследован феномен закрытия городского пространства в условиях реализации неолиберальных политик открытого города. Доказывается, что современный город, структура и развитие которого определяются влиянием капитализма, не может стать подлинно открытым, а реализуемые стратегии открытия городского пространства являются лишь эрзацем подлинной открытости. Сама же идея открытого города представляется как идеологема, цель которой – замаскировать нарастающую закрытость городского пространства. На примере джентрификации показывается, как происходит это закрытие, и фиксируется процесс образования новых границ внутри города, которые территориально закрепляют социальное неравенство [1].

1.6. Критический анализ идеологических дискурсов

Исследована концепция идеологии и ее эволюция в условиях зрелого Модерна. Проанализированы импликации, которые порождают различные версии концепции идеологии. Обоснован вывод, что дискуссии второй половины XX – начала XXI в. существенным образом преобразовали классическую идею идеологии, отразив трансформацию символического поля позднемодерных обществ.

Рассмотрены стратегии деконструкции концепта толерантности, применяемые в рамках современной критической теории. Особое внимание уделено дискурсивному подходу, опираясь на который критики этого концепта демонстрируют, как в современных условиях толерантность превращается в важнейшую идеологическую категорию глобального неолиберального дискурса. Показывая, что политизация идеи толерантности связана с более общей тенденцией к замещению политики культурой, они вскрывают властные и репрессивные компоненты, инкорпорированные в доминирующие дискурсы толерантности [2].

2. Грибовод Екатерина Григорьевна – кандидат политических наук, младший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН

Тематика дискурс-исследований

2.1. Дискурс медиатизации политики

Проведен комплексный анализ дискурса медиатизации политики. Выявлены основные подходы, формирующие теоретико-методологический скелет исследуемого направления политической коммуникативистики. Разработан авторский подход к осмыслению феномена медиатизации политики. Данный концепт рассматривается, с одной стороны, как «институционально-коммуникативный процесс, обеспечивающий внутреннюю и внешнюю коммуникации в институтах политического управления», а с другой стороны, как «информационно-стратегический ресурс, применяемый для адаптации социальных институтов к новым формам

средств массовой коммуникации и информационно-коммуникационным технологиям». Введен в научный оборот политической коммуникативистики ресурсно-стратегический и институционально-коммуникативный подходы.

Предложено авторское определение медиатизации политики как «информационно-коммуникативный процесс, трансформирующий политическую сферу в направлении ее медийной технологизации и доминирования медийного дискурса» [9; 10; 191].

2.2. Дискурс медиатизации как аспект коммуникативной практики

Исследована роль и место медиатизации в условиях быстрого распространения цифровых форм коммуникаций в современном обществе. Выявлен многослойный и объемный характер данного концепта. В результате усиления процесса медиатизации, появления новых форм массовой коммуникации, в частности цифровых, коммуникативная практика трансформируется вследствие широкого распространения микро-субъектов коммуникации (блоги, акаунты в социальных медиа и др.), снижения «барьера входа» в коммуникативный процесс на разных уровнях и др.

С позиции политической коммуникативистики рассмотрены основные категории концепта «медиатизация», а именно: медиадискурс, медиапространство, медиатизация политики, медиаполитическая система, медиатизированное общество, медиациентрированная демократия. Выявлена их взаимосвязь друг с другом. Таким образом, медиатизация оказывает воздействие на коммуникативную сферу общества, очерчивая структурные изменения как на уровне дискурсов, через речевые конструкции и медиадискурсы, так и на уровне коммуникативных практик [8; 16].

2.3. Дискурс информационно-стратегических ресурсов медиатизации политики: новые медиа и информационные технологии

При исследовании медиатизации политики как информационно-стратегического ресурса были выделены социальные медиа, а именно социальные сети, блоги, мессенджеры и др., а также информационные технологии («Twitter-революция», «Умная толпа» и др.). Представлена авторская трактовка информационно-стратегического ресурса как общности информационных и медийных технологий, применяемых для роста информационного потенциала актора и для решения разноуровневых задач, в том числе и в долгосрочной перспективе. В контексте медиатизации политики был четко определен функционал социальных медиа: во-первых, платформа для диалога; во-вторых, осуществление контроля и мониторинга; в-третьих, источник информации.

Сделан вывод, что информационные технологии, способствующие самоорганизации социума, приводят как к положительным, так и отрицательным эффектам. Особенно нужно выделить стандартизацию, упрощение контента, мобильность, портативность и др. Было установлено, что применение ресурсной базы медиатизации политики позволяет политическим акторам интегрироваться и адаптироваться к цифровому обществу, а также проектировать медийную идентичность и налаживать процесс коммуникации с разными целевыми группами [10; 11; 12; 190].

2.4. Дискурс мягкой силы ШОС

Одним из ключевых этапов в развитии ШОС является формирование и усиление своего информационного пространства – медийного образа проектируемого в виртуальном пространстве мировой политики. Этот важный элемент становится составной частью мягкой силы организации. С помощью информационно-стратегических ресурсов медиатизации политики происходит создание и укрепление дискурса мягкой силы ШОС.

В основу дискурса мягкой силы ШОС заложена система ценностей и норм – «шанхайский дух», которую разделяют все страны – участницы организации. Кроме того, дискурс ШОС – это дискурс евразийских государств с общими геополитическими, экономическими и гуманитарными задачами и проблемами. Именно дискурс мягкой силы ШОС может стать идейно-ценностным ядром формирования проекта Большой Евразии. Стоит отметить, что с помощью индикаторного анализа – Индекса сетевой готовности (Networked Readiness Index) произведена оценка потенциала медиатизации и ресурсов мягкой силы стран ШОС.

Таким образом, дискурс мягкой силы ШОС направлен на популяризацию политики организации среди населения стран, входящих в нее, укрепления символического образа и информационной идентичности ШОС в цифровом пространстве международных отношений, а также может применяться как компонент информационной политики, направленной на оперативное реагирование на глобальные вызовы и угрозы [7; 13; 14; 15; 242].

3. Давыдов Дмитрий Александрович – кандидат политических наук, научный сотрудник Института философии и права УрО РАН

Тематика дискурс-исследований

3.1. Дискурс посткапитализма

Термином «посткапитализм» можно обозначить любую общественную систему, наступление которой можно ожидать после заката/снятия/уничтожения капитализма. Дискурс посткапитализма сегодня имеет ряд новых существенных черт, ранее не репрезентировавшихся в дискурсах классического и неомарксистов, теорий постиндустриального и информационного общества и т. п. В этом смысле дискурс посткапитализма предстает в виде набора устойчивых повторяющихся означающих, на основе которых складывается соответствующий способ интерпретации современных социально-политических и глобальных трансформаций. Дискурс посткапитализма характеризуется, прежде всего, некоторой дистанцированностью от марксизма, попытками избежать пересечений с устоявшимися идеологическими клише о коммунизме. Это связано с рядом искажений идей К. Маркса и Ф. Энгельса о желательных способах перехода к социалистическому обществу и объективных предпосылках такого перехода, что привело к появлению устойчивых мифов, отождествляющих социализм и коммунизм с тоталитарным строем или бюрократическим «застоем», а коммунистическую революцию – с «кровавой» революцией пролетариата [18; 21].

3.2. Концептосфера понятия «посткапитализм»

Дискурс посткапитализма – это дискурс поиска «капиталистического пути к коммунизму» (Р. Ван дер Веен, Ф. Ван Парийс), характеризующийся смещением символических акцентуаций с различных аспектов социально-политической борьбы к изучению экономико-технологических трансформаций современного общества, которые приведут к почти «автоматическому» сворачиванию капиталистического миропорядка. Отсюда нередкое соседство концепта «посткапитализм» с концептами «общества знаний» (П. Друкер), «третьей промышленной революции», «общества нулевых предельных издержек», «общества сотрудничества» (Дж. Рифкин). С этим же связан особый интерес авторов концепций посткапитализма к исследованиям проблем автоматизации производства, трансформаций трудовых практик, роста сетевых взаимодействий (П. Мейсон и др.), возвышения креативного класса, появления прекариата как нового «страдающего класса» (Г. Стэндинг) и т. п.

Предлагается наполнить понятие «посткапитализм» новым содержанием: это не только некоторое благоприятное состояние «после» капитализма, к которому можно подойти не обязательно тем путем, который предлагался К. Марксом и Ф. Энгельсом. Возможно, это также некоторое состояние, которое сложно назвать коммунизмом или социализмом в «хорошем» смысле как общество свободного труда и повсеместной творческой самореализации. Посткапиталистическое общество вполне может формироваться как общество всеобщего отчуждения, неравенства возможностей, как общество «проблем личности», «технологической сингулярности» и повсеместных экзистенциальных угроз, исходящих от перспектив развития и применения таких технологий, как искусственный интеллект или генетическая трансформация зародышевой линии человека. Поэтому эвристический потенциал понятия «посткапитализм» видится более значимым, чем понятий «коммунизм» и «социализм», так как фактически оно больше соответствует неопределенности будущего человеческой цивилизации [17; 18; 19; 20; 21].

4. Дьякова Елена Григорьевна – доктор политических наук, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН

Тематика дискурс-исследований

4.1. Дискурс массовой коммуникации

Сделан вывод о том, что теоретическое осмысление дискурса массовой коммуникации связано с разработкой микро- и макроуровневых теорий политической коммуникации. Исследования политической коммуникации первоначально базировались на ранних концептуальных представлениях о массово-коммуникационных процессах, получивших образные названия: теория «волшебной пули» и теория «иглы». Эти теории исходили из предположения об огромных возможностях информационно-пропагандистского воздействия на массовую аудиторию, напоминающую пациента, чье состояние начинает меняться после получения дозы лекарственного препарата в виде инъекции. Последующие ис-

следования показали, что воздействие СМИ на индивида не является прямым, а опосредуется микрогруппами, лидерами общественного мнения.

В последние десятилетия одним из ведущих теоретических подходов к изучению воздействия СМИ на политическое поведение граждан является концепция «установления повестки дня» («agenda-setting»). С точки зрения данной концепции воздействие СМИ на аудиторию носит «конструирующий» характер: когда пресса, радио и телевидение начинают уделять более пристальное внимание освещению тех или иных событий и проблем, именно эти события и проблемы начинают восприниматься аудиторией в качестве наиболее важных и значимых [22; 23; 29; 30; 33].

Работа проводилась совместно с А.Д. Трахтенберг.

4.2. Дискурс информационного общества и концепт «электронное правительство»

Рассмотрена структура концепта «электронное правительство», обоснован его идеологический характер, связанный с транслируемым этатистским дискурсом. В концепте выделены четыре четко выраженные сферы взаимоотношений:

- между государственными службами и гражданами (government-to-citizen: G2C);
- между государством и частными компаниями (government-to-business: G2B);
- внутри государственных организаций между их сотрудниками (government-to-employee: G2E);
- между различными государственными органами и уровнями государственного управления (government-to-government: G2G).

Сделан вывод о том, что электронное правительство является элементом глобального дискурса «информационного общества». Хотя дискурс «информационного общества» возник на основе академического дискурса «постиндустриального общества», он носит выраженный этатистский характер, поскольку конструировался и легитимизировался силами национальных государств в их разнообразных программах и стратегиях.

В России дискурс «информационного общества» получил окончательную легитимацию в 2008 г. с принятием «Стратегии развития информационного общества в России» [24; 25; 26; 27].

4.3. Дискурс административной моды и дискурс soft power

Проведен анализ механизмов формирования глобальной административной моды как проявления soft power на примере парадигмы «новое государственное управление». Показано, каким образом управленческая мода формируется на локальном уровне путем создания коалиции тренд-сеттеров, а затем закрепляется путем включения в политическую повестку в качестве основы для реформы государственного управления. Превращение локальной управленческой моды в глобальную предполагает превращение локальных тренд-сеттеров в глобальных. Именно этот процесс выступает основным проявлением soft power или «мягкой силы». Возможностью и способностью превращать локальное в глобальное наделены далеко не все страны. В сфере государственного управления

такими возможностями располагают, прежде всего, США, сыгравшие главную роль в формировании и распространении базовой современной парадигмы «нового государственного менеджмента».

Использование риторики нового государственного менеджмента на локальном уровне свидетельствует об успешном применении глобальной административной моды для принятия ситуативно обусловленных решений. За «коллективной верой» в глобальную управленческую модель скрывается борьба между участниками локальных реформ за право определять их концепцию [28; 31].

Работа проводилась совместно с А.Д. Трахтенберг.

4.4. Дискурс экспертизы и совещательно-консультативных органов

Несмотря на то, что количество и значение консультативных органов при исполнительных органах власти во всем мире постоянно растет, сравнительный анализ функционирования таких органов в разных административных традициях практически отсутствует. Чтобы заполнить этот пробел, был проведен сравнительный анализ дискурса о совещательно-консультативных органах в США и Российской Федерации. Материалом для анализа послужили нормативно-правовые акты, экспертная литература, подготовленная органами власти, и академические исследования.

В ходе исследования была выдвинута гипотеза о том, что проблемы, которые устойчиво воспроизводятся в дискурсе консультативных органов, будь то американские совещательные комиссии или российские общественные советы, достаточно полно отражают национальную административную специфику, в том числе и потому, что оказываются принципиально нерешаемыми в рамках данной административной системы.

На основе анализа Федерального акта о совещательных комиссиях (The Federal Advisory Committee Act, FACA) 1972 года, а также практики его правоприменения, автор пришел к выводу о том, что в США совещательные комиссии выступают как механизм получения и использования органами власти экспертного знания, накопленного гражданским обществом. Поэтому центральной проблемой дискурса является вопрос о соотношении экспертов-профессионалов, являющихся носителями специализированного (в том числе научного) знания, и «экспертов-мирян», которые располагают житейским опытом, связанным с данной сферой, включая опыт защиты своих интересов. Показано, что данный вопрос так и не получил удовлетворительного решения.

В Российской Федерации консультативные органы вписаны в принципиально иной контекст государственного управления. Анализ российского дискурса об общественных советах, включая федеральное и региональное законодательство (на примере Свердловской области), показал, что основной целью деятельности общественных советов считается контроль за деятельностью органов исполнительной власти (то есть функция, которую в США исполняют органы законодательной власти). Поэтому главной проблемой становится проблема самостоятельности и независимости общественных советов от тех органов власти, при которых они функционируют. Данная проблема решается в духе отечественной административной традиции: через контроль за формированием и деятельностью общественных советов со стороны структуры, внешней по от-

ношению к органам исполнительной власти. В роли такой структуры выступают Общественные палаты всех уровней.

Проведенное исследование показало, что то, какая проблема выступает в дискурсе о совещательно-консультативных органах в качестве ключевой, то есть постоянно воспроизводится в общественных дискуссиях и процессе правотворчества и правоприменения, зависит от целого комплекса факторов, определяющих характер административной традиции: типа государственного устройства, характера политического режима, господствующего типа административной культуры и т. д. [32; 34].

5. Ильченко Михаил Сергеевич – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН

Тематика дискурс-исследований

5.1. Дискурсивный конструкт «советского» в российской политике

В ходе исследования установлено, что дискурсивный конструкт «советского» в современных российских условиях превратился в одну из самых мощных и устойчивых риторических фигур, закрепившихся и активно воспроизводимых в самых различных контекстах. Утверждается, что скрывающееся за термином «советское прошлое» разнообразие эпох, слоёв социальности и культурных измерений априори является фактором жёсткой ценностной и идеологической дифференциации. Показано, что отсылая к известным, привычным, узнаваемым образам, риторика советского в сегодняшних условиях маркирует совершенно новые, малопонятные феномены, неочевидной природы и характера развития. Эта риторика не является результатом осознанного конструирования или стратегии власти. Она, наоборот, выступает побочным продуктом отсутствия таких стратегий, и потому не поддаётся какой-либо идеологической дешифровке [40].

5.2. Архитектурный дискурс советского авангарда

В ходе междисциплинарного исследования рассмотрены особенности и логика изменений языковых репрезентаций архитектуры советского авангарда в историческом контексте и современном публичном дискурсе. Показано, что анализ различных риторических контекстов архитектуры авангарда даёт возможность использовать её как своеобразную историческую проекцию, позволяющую раскрыть доминирующие в общественном сознании способы восприятия власти и социальных символов через рассмотрение архитектурных и пространственных форм. Выявлены черты и проанализированы особенности «утопического» прочтения авангардной архитектуры, предлагающего новый способ символического восприятия советской эпохи через эстетику «несостоявшегося будущего».

В ходе исследования осуществлён анализ символической трансформации территорий советской застройки и особенности их включения в культурно-символическое пространство современного мегаполиса. Было установлено, что эти территории в состоянии производить новые смыслы и значения, на основе которых могут быть сформированы новые механизмы их репрезентации в со-

временном публичном пространстве. В частности, в ходе дискурсивного анализа практик символической репрезентации районов советской индустриальной застройки 1930–1950-х годов было показано, что в публичной риторике за последнее десятилетие утвердилось несколько новых способов восприятия этих территорий и соответствующих им типов дискурса: дискурс «наследия», дискурс «нереализованной утопии», дискурс «культурных изменений». Показано, что такие дискурсы могут стать основой для формирования новых локальных городских идентичностей, утверждая особую символическую привязку к территории, наполняя её новым смысловым содержанием и одновременно стимулируя новые формы социальной активности среди жителей [37; 42; 44; 243; 244].

5.3. Городской дискурс в постфордистской перспективе

В ходе исследования осуществлён теоретический анализ ключевых объяснительных моделей и концепций постфордизма, а также дана оценка их соотносимости с методологическими особенностями изучения городских трансформаций в российском контексте. Показано, что основная сложность изучения динамики развития городов в современной России объясняется одновременным протеканием в их среде разнородных процессов, традиционно относимых теориями социальной науки к различным фазам трансформации городских систем. Обоснован тезис о том, что, в отличие от западных государств, Россия не преодолела кризис фордистского города, протекание которого в постсоветских условиях совпало с утверждением новых постиндустриальных практик и одновременной необходимостью отвечать на связанные с этим вызовы, характерные для новых глобальных городов.

Исследование ставило целью выявить институциональные и символические формы влияния советского наследия на развитие современного российского городского публичного пространства, а также проанализировать механизмы и способы трансформации «советского» в динамике городских процессов. Проведённый анализ показал, что процесс трансформации сформировавшихся в советский период городских публичных пространств определяется сегодня не столько физической перестройкой их архитектурного ландшафта, сколько новыми формами его символизации и утверждения новых способов его восприятия. Было установлено, что преодоление основного инерционного эффекта таких пространств становится возможным, прежде всего, благодаря новым формам их «освоения» горожанами, а также их последующей символической перемаркировке. Именно это позволяет включить их в текущую динамику городского развития и превратить в живой пространственный организм [36; 38; 39; 41; 43].

6. Исаков Александр Сергеевич – старший преподаватель УИУ РАНХиГС при Президенте РФ, аспирант Института философии и права УрО РАН

Тематика дискурс-исследований

6.1. Особенности дискурса в восточных исламских политиях

В центре исследований – рассмотрение дискурса в восточных исламских политиях как особого объекта, имеющего аутентичную, зачастую автохтонную

природу функционирования. Предложен подход, предполагающий анализ дискурсивных комплексов и практик исходя из их взаимосвязи с политическими изменениями. В основу анализа политических изменений положена авторская методология, подразумевающая сочетание двух доминирующих в российском исламоведении подходов: цивилизационного и универсалистского. Результатом данного синтеза является эвристическая попытка рассмотрения политических изменений сквозь призму мазхабов – правовых школ религии, исторически детерминирующих отношение населения мусульманских стран, безотносительно вероисповедания, к возможности любых социальных, экономических и политических трансформаций.

Отдельное внимание автор уделяет изучению влияния глобальных событий на политическое пространство исламского Востока. К подобным событиям относят как сравнительно далекие «исторические» процессы, как деколонизация, так и более актуальные, например, события так называемой «Арабской Весны». Последним уделяется большое внимание и приводится тезис о том, что существует две интерпретации: краткосрочная, как сумма революций и антиправительственных акций, так и долгосрочная – системная трансформация политического пространства мусульманских стран [47; 53; 54; 71].

6.2. Дискурс исламизма

Автор рассматривает дискурс исламизма как многогранное явление, отмечая множество стереотипов в научно-исследовательской среде к данному концепту. Изучая терминологическую природу и особенности обозначения, проводятся компаративные исследования относительно иных схожих концептов, таких как фундаментализм, джихадизм, салафизм, ваххабизм, политический ислам и иные. В целом, делается вывод, что исламизм, и характеризующий его дискурс, обозначают политическую активность под эгидой религии. Как продукт исламских политий, данный феномен используется в качестве инструмента легитимации тех или иных политических изменений, а также как способ мобилизации, связанный с политической борьбой. В иных отношениях данный термин политически нейтрален и не несет в себе презумпцию позитивных или негативных коннотаций [49; 50].

6.3. Специальные дискурсы в странах исламского Востока

В ходе исследований восточных исламских политий автором делается вывод, что иные дискурсы, как то дискурс мягкой силы, агональный дискурс, дискурс мобильности и иные, имеют специфические особенности в странах исламского Востока. В частности, понимание мягкой силы трансформируется соразмерно качественным характеристикам целевых аудиторий. Благодаря этому может возникать определенный парадокс, когда использование «жестких» методов на внутренней арене или во внешнеполитических сношениях может восприниматься в контексте «мягкого» влияния. Ярким примером этого служит политика основных игроков: Саудовской Аравии, Ирана и Турции.

В основе отечественного понимания агонального дискурса в Исламе лежит умозаключение о наличии естественного конфликта между суннитами и шиитами в умме. Причем в большей степени речь идет не о догматическом споре, а о противостоянии в выработке оптимальных концепций государственного

строительства и легитимации политической власти. При этом эрозия современного мира трансформирует данный конфликт в более сложные концепции, когда традиционные религиозные отличия уступают место иным факторам. В качестве эвристического допущения можно обозначить, что агональный разлом современности в мусульманских странах проходит по двум линиям. Во-первых, в связи с особенностями политической модернизации, реализуемых в странах-лидерах исламского Востока, в основе которых этические разногласия, вызванные разницей правовых школ – мазахабов. Во-вторых, по линии формируемых идентичностей: национализм против универсализма.

Подобные же особенности закономерно существуют и в отношении дискурса мобильности. Границы мобильности во внесекюлярных обществах очерчивает религия, а точнее – ее политическое выражение. В этом контексте особую роль играют исламизм и политический ислам (как сумма политический концепций, аккумулированных религией), а также уже обозначенные различия в правовых школах [45; 46; 48; 51; 52; 53; 56].

7. Ковба Дарья Михайловна – кандидат политических наук, младший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН

Тематика дискурс-исследований

7.1. Дискурс регионального имиджа

Исследована проблематика регионального имиджа как сложившегося в массовом сознании эмоционально окрашенного образа. Указано, что имидж региона может формироваться либо стихийно, либо в результате работы специалистов, использующих средства массовой коммуникации и другие инструменты. Выделены три уровня трансляции имиджа: 1) внутренний (направленность на жителей данного региона); 2) уровень государства; 3) международный уровень. Раскрыто понятие «гуманитарный имидж региона» как совокупность представлений людей по поводу культурного потенциала региона, развитости искусства, научной деятельности и архитектурно-исторического наследия. На примере Свердловской области продемонстрированы возможные инициативы власти для построения гуманитарного имиджа. Сделан вывод о том, что имидж является важным подспорьем для участия в конкурентной борьбе российских регионов за инвестиции, социальные и культурные проекты, транспортные, информационные, туристические потоки и специалистов [58].

7.2. Дискурс региональной идентичности как инструмент мягкой силы

Высказана идея о том, что региональный уровень идентичности играет роль своеобразной «мягкой власти», воздействующей на членов сообщества без применения силовых методов. Показано, что основы формирования идентичности являются одновременно инструментами воздействия «мягкой силы» (мифология, коллективная память, символы и традиции). Формирование мифологии, в инструментальном смысле, помогает властной элите решать региональные стратегические и собственные задачи, а в социальном – упорядочивает разроз-

ненные факты местной истории, объединяет сообщества общими ценностями и идеями. Коллективная память важна в плане осознания единства и своеобразия событий прошлого. «Мягкая сила» регионального дискурса создает и поддерживает способы означивания реальности при помощи прошлого опыта, вкладывая в него новые смыслы. Региональные политики имеют возможность продвигать способы толкования реальности посредством утверждения символики, изобретения традиций, что, в итоге, помогает конструировать дискурс региона, добиваться решения насущных задач, формировать чувство идентичности, сглаживать этнические и социальные конфликты. Выделены два направления исследования «мягкой силы» идентичности: 1) стратегическое использование ресурса идентичности; 2) социально-культурное направление [59].

7.3. Дискурс мягкой силы

Подробно исследован дискурс «мягкой силы» и его место в современной политической науке и международной практике. Доказано, что концепт не является чем-то принципиально новым, так как схожие идеи возникали задолго до активного обсуждения теории «мягкой силы» в американских академических кругах и публицистике. Утверждается, что среди множества понятий дискурсивного пространства ближе всего к рассматриваемому явлению стоит учение о культурно-идеологической гегемонии итальянского философа-марксиста А. Грамши.

Показано, что теория «мягкой силы» относится к реляционной концепции власти (власть рассматривается как отношения между акторами, один из которых оказывает влияние на другого, при этом крайне важен результат поведения акторов). Затронут вопрос методологии оценки «мягкой силы» различных государств. Уточнен спектр целей, для достижения которых возможно использовать «мягкие» стратегии (усиление безопасности, мобилизация и кооптация союзников, достижение статуса глобального или регионального лидера, а также некоторые внутренние цели). Предложено разграничивать пассивный потенциал *soft power* страны и активные действия (стратегию). Пассивная «мягкая сила» включает в себя культурное наследие, привлекательную политику, идеи и ценности, а также некоторые другие позиции, которые могут выглядеть привлекательно и вызывать желание подражать (например, экономическая модель). Действия по увеличению «мягкой силы» могут включать общественную дипломатию, институциональную деятельность, улучшение имиджа страны и другие. Заключено, что концепт «мягкой силы» обладает большим аналитическим и практическим потенциалом [60; 67; 193].

7.4. Концепт мягкой силы в отечественном политологическом дискурсе

Проведен анализ процесса вхождения концепта «мягкая сила» в российский политологический дискурс и политическую сферу. Обозначен круг авторов, сделавших концепт «мягкой силы» специальным предметом своих исследований (В.М. Капицын, М.М. Лебедева, Е.Г. Пономарева, О.Ф. Русакова, О.В. Столетов и др.). Указано, что, по мнению отечественных исследователей, рост «мягкой силы» России является важной задачей, позволяющей обеспечить ее безопасность и повысить эффективность внешней политики. Регион, на кото-

рый в первую очередь должна быть направлена «мягкая сила», – страны бывшего СССР. Выделены подходы к исследованию «мягкой силы», распространенные в российской академической среде (структурный, процессно-ориентированный, измерительно-инструментальный и технологический). Утверждается, что в отечественной науке получило распространение настороженное отношение к «мягким» технологиям. Исследован процесс закрепления термина в нормативных документах. Выделены организации, занимающиеся вопросами увеличения «мягкой силы» России: Общественная палата РФ, в частности, Комиссия по международному сотрудничеству и общественной дипломатии, Россотрудничество, фонд «Русский мир», фонд поддержки общественной дипломатии имени А.М. Горчакова, различные имиджевые проекты и экспертные форумы. Обозначены проблемные области, связанные с попытками овладеть ресурсом «мягкой силы» [66].

7.5. Дискурс мягкой силы стран Восточноазиатского региона

Исследован дискурс «мягкой силы» государств Восточной Азии, особенности его адаптации к национальным условиям. Утверждается, что китайские авторы максимально адаптировали концепт «мягкая сила» к местной специфике. Они, следуя политике КПК, заключили, что soft power должна служить целям распространения национальной культуры и строительства социализма. В японской модели «мягкой силы» ставка сделана не столько на популяризацию традиционной культуры, сколько на увеличение производства поп-культуры (Cool Japan). Южнокорейская модель soft power связана с продвижением таких национальных ресурсов, как коммерческие и культурные бренды (Korean Wave), удачно завершившиеся процессы модернизации и демократизации. Указано, что вопросами увеличения «мягкой силы» занимаются в рамках общественной дипломатии. Проведен сравнительный анализ структур, занимающихся осуществлением данного вида дипломатии в Китае, Южной Корее, Японии. Показано, что различие состоит в степени централизации структур (наибольшая централизация характерна для Китая). Сделан вывод о том, что стратегические модели «мягкой силы» стран изучаемого региона демонстрируют большое разнообразие в концептуальном осмыслении механизмов и ресурсов «мягкой силы», в освоении новых направлений деятельности, представленных в виде культурной, ресурсной, научно-технологической, медиа-дипломатии и дипломатии помощи.

Изучены дискурс и стратегии «мягкой силы» КНР. Указано, что характерной чертой китайского дискурса является акцент на культурные рычаги в сочетании с уходом от обсуждения политических ценностей и идеологии. Выделены основные подходы к изучению soft power в Китае: 1) структурный (создание оригинальных моделей «мягкой силы»); 2) ресурсный (изучение символических и других «мягких» ресурсов); 3) двунаправленный подход (оценка влияния «мягких» стратегий на международные отношения и внутригосударственную политику); 4) негативистский подход (отрицание важности теории «мягкой силы»). Исследованы практические шаги, направленные на увеличение soft power КНР.

Рассмотрено влияние состояния гражданского общества Китая на потенциал «мягкой силы» данной страны. Показано, что китайские власти позитивно относятся к деятельности структур гражданского общества, занятых социальными проблемами и негативно настроены к организациям, стремящихся участвовать

в решении политических вопросов. Исследована нормативная база, касающаяся деятельности организаций гражданского общества. Указано, что законы о благотворительности и об иностранных неправительственных организациях призваны обеспечить стабильность и предсказуемость внутривнутриполитической жизни [62; 63; 64; 68; 69; 194; 242].

7.6. Дискурс академической мобильности

Утверждается, что такие феномены, как мобильность, сеть и глобализация стали характерными чертами современности, причем термин «мобильность» сегодня затрагивает не только физические характеристики (место жительства, капитал и тому подобные), но и информацию, навыки, идеи. Выделены направления изучения дискурса академической мобильности: теоретическая интерпретация понятия; исследование политики образовательного рынка; характеристика мобильной личности студента; выявление неравенства в сфере мобильности; анализ вызовов и угроз, которые несет за собой мобильность; исследование позитивных следствий академической мобильности. Установлена связь между понятиями «мягкая сила» и академическая мобильность. Исследованы особенности американских образовательных программ и их вклад в усиление позиций США на международной арене. Проведен анализ китайских образовательных программ, способствующих повышению академической мобильности, которые действуют, в том числе, в России. Установлено, что РФ – один из ключевых пунктов распространения китайского языка и культуры в силу пограничного расположения с КНР и статуса стратегического партнера. Выделены позиции, сложившиеся в российском научном и публичном сообществах, по отношению к культурно-образовательной политике Китая в нашей стране [61; 65; 70].

8. Кондрашов Пётр Николаевич – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН

Тематика дискурс-исследований

8.1. Дискурс повседневности

Проанализирован феномен повседневности посредством деятельностного подхода, разработанного в работах К. Маркса, Г.С. Батищева, Э.В. Ильенкова, П.Я. Гальперина, и было показано, что философия Маркса, обычно трактуемая как «Большая теория» (наподобие структурно-функционального анализа), на самом деле оказывается также и социальной микротеорией, в рамках которой можно анализировать непосредственные (прежде всего повседневные) условия бытия людей, содержание их обыденного языка и сознания, обычного поведения и взаимодействия людей. Более того, именно из анализа повседневности, ее имманентных механизмов и структур можно объяснить и понять историчность социального бытия, ибо социальные и политические революции оказываются лишь кульминацией бесчисленного множества незаметных для глаз повседневных изменений, возникающих в подручности, организации, быте, производстве, общественных отношениях, семье, языке, эмоциональной сфере [75; 81; 89; 94].

8.2. Дискурс историчности

Проведена экспликация взглядов К. Маркса на *историчность*, в результате которой показано, что в философии К. Маркса имеется *оригинальная концепция историчности*, согласно которой в основе социально-исторического процесса лежит праксис, т. е. сознательная (целеполагающая) совместно-раздельная предметная преобразующая активность людей, представляющая собой процесс преобразования объекта субъектом с помощью орудий труда в целях удовлетворения своих потребностей. Праксис, являясь родовой сущностью человека и способом его бытия в мире, представляет собой диалектическое *единство (тотальность) материальной и духовной деятельности, субъекта и объекта, опредмечивания и распределмечивания*.

Именно в *преобразующей сущности* праксиса онтологически фундируется *историчность*: изменяя мир природы и предметов в целях удовлетворения потребностей (понимаемых в самом широком смысле), люди перманентно не только производят и воспроизводят свое наличное бытие, но и постоянно созидают новые предметы, идеи, отношения, институты, символы и т. д., т. е. *качественно преобразуют внешний и внутренний мир*.

Последовательный, непрерывный, когерентный темпоральный *процесс практического преобразования* людьми фактичного мира, сохранения изменений в структурах нового и передачи нового будущему есть *историчность социального бытия*. В силу того, что осуществляемые людьми преобразования пронизывают все без исключения (и материальные, и духовные) элементы социального бытия, историчность представляет собой также и атрибутивное свойство структур социальной реальности *развиваться* в процессе реализации праксиса. Однако, несмотря на целеполагающую сущность человеческой деятельности, социально-исторический процесс, согласно Марксу, является процессом *каузальным* (естественноисторическим, эволюционно-революционным), а не телеологическим.

Праксис, лежащий в основе социально-исторического бытия, представляет собой *диалектическую тотальность* материальной и идеальной активности, следовательно, изменения производственных структур с необходимостью репрезентируются во внутреннем мире людей, переживаются ими эмоционально, и следовательно, историчными оказываются не только материальные, но и эмоциональные структуры человеческого бытия. В трудах К. Маркса можно выделить три основных *способа понимания истории: социально-производственный, антропологический и экзистенциальный*.

Философия Маркса – это не экономический, технический или социологический редуционизм, а *праксеологическое (деятельностно-антропологическое) понимание историчности социального бытия*, согласно которому фундаментальными субъектами и объектами исторического процесса являются *производящие в обществе конкретные живые индивиды*, а не анонимные бессубъектные структуры (производительные силы, производственные отношения, классы, техники, экономические законы). Методология философско-исторического исследования Маркса представляет собой синтез материалистического (в узком смысле) и идеалистического понимания истории, в рамках которого динамика исторического процесса объясняется наиболее *действенными* факторами целостного праксиса,

в качестве которых на разных стадиях человеческой истории выступают либо материальные, либо идеальные моменты деятельности, либо их синтез [74; 76; 77; 78; 84; 86; 90; 91; 93; 94; 95; 96; 97].

8.3. Экзистенциально-антропологический дискурс марксизма

Выявлен экзистенциальный план философии К. Маркса. Обосновано, что философия Карла Маркса представляет собой одну из форм экзистенциальной философии (но не экзистенциализм, не экзистенциалистскую философию), под которой понимается такой тип философствования, в котором основными проблемами являются проблемы человека, подлинности и неподлинности его *существования-в-мире* (*in-der-Welt-sein*), его отношений с миром и внутреннем равнодушном переживании этих отношений.

Показано, что в философии К. Маркса так или иначе затрагиваются все базовые вопросы экзистенциальной философии, а именно: проблемы сущности и существования, экзистенции, бытия-в-мире, страдания, подлинности и неподлинности человеческого бытия, отчуждения (*Entäußerung*, *Entfremdung*), экзистенциальной темпоральности и историчности. Делается вывод, что философия К. Маркса представляет собой рационалистическую, гуманистическую и революционно-оптимистическую версию экзистенциальной философии, ибо полагает, что свою подлинность человеческое бытие обретает не в-самом-себе, а только в активном трансцендировании экзистенции в мир.

Выявлены текстологические и семантические ситуации, в которых философская терминология К. Маркса приобретает *экзистенциальное* звучание, и поэтому требует новой интерпретации. Показано, что в текстах Маркса всех периодов его творчества имеется множество понятий, имеющих экзистенциальную семантику, но которые до сих пор большей частью не рассматриваются в качестве значимых категорий в терминологическом тезаурусе марксовской мысли. Такие важнейшие понятия, как *страдание*, *страсть*, *чувственность*, *равнодушность*, *бесчеловечность*, *обесчеловечивание*, *скотство*, *наслаждение*, *мучение*, *радость жизни*, *мерзость* и т. д., оказывались за рамками анализа дискурса философии марксизма. Исходя из этого был поставлен вопрос о возможности построения системы экзистенциальных категорий в философии Маркса наряду с системой социально-философских категорий. Описаны попытки рассмотрения в качестве исходных категорий экзистенциальной философии Маркса таких понятий, как *отчуждение*, *телесность*, *чувственность*, *потребность*, *нехватка*, *нужда*, *жизнь*, *предметность*, *человеческое отношение к миру*. Со своей стороны, в качестве базового понятия для построения системы экзистенциальных категорий Маркса, автор предлагает принять категорию *страдания* (*Leiden*), в которой фундируется фундаментальное свойство человека существовать *в качестве человека* только через свое *неравнодушное* (*со-страдательное*) *отношение*, *общение* (*Verkehr*) с миром. Далее была предпринята попытка развернуть категориальный ряд: *страдание* – *практика* – *отсвоение* (*Äußerung*) / *присвоение* (*Aneignung*) – *общение* (*Verkehr*) – *неравнодушное отношение к миру* – *неподлинное, отчужденное бытие в мире* (*Entäußerung*, *Entfremdung*) – *освобождение* – *подлинное человеческое бытие* (*Selbstbetätigung*) [72; 73; 79; 82; 83; 85; 86].

8.4. Дискурс постфордизма

Под постфордизмом понимают новую систему организации промышленного производства, появившуюся в 1980-е гг., и заключающуюся в переходе от массового конвейерного производства к мелкосерийному выпуску широкого ассортимента товаров, которые постоянно модифицируются с учетом запросов потребителей.

В различных странах и регионах переход от фордизма к постфордизму осуществляется весьма разными темпами. Например, если производство электроники и бытовой техники уже функционирует по принципам постфордизма, то сектор металлургии или «fastfood» продолжает развиваться на принципах фордизма. Постольку, поскольку предприятия, организованные на постфордистских принципах, нацелены на производство специализированных (мелкосерийных) товаров и услуг для сегментированных рынков, но уже включённых в глобальные рынки.

Постановка вопроса о существовании или несуществовании постфордизма слишком жесткая и редуционистская. Проблема не в этом. Речь о том, чтобы из анализа уже существующих частичных форм обнаружения постфордизма увидеть перспективу его динамики и показать, является ли постфордизм тотальной и равновеликой альтернативой парадигме Модерна и индустриальному обществу, которая со временем вытеснит последние во всех областях общественной жизни (точка зрения Д. Гартман).

Постфордистская экономика расширяет номенклатуру эксклюзивных товаров, производство становится мелкосерийным и мобильным, за счет чего возвращается свобода, но при этом она контролируется глобальными рыночными институтами, индивидуальность товаров достигается за счёт элементов декора и подавляется тотальной стандартизацией. В постфордистскую эпоху в результате новых структурных преобразований (мобильность и распыленность производства) возникает новый социальный слой – прекариат – социально незащищенный класс временных работников, существенно меняющий социальную стратификацию; появляются новые миграционные потоки, охватывающие миллионы людей и напоминающие средневековые орды; появляется невиданная маргинализация городского населения, когда целые районы городов превращаются в трущобы. В связи с этими процессами основной формой работы становится работа проектного типа, дом превращается в рабочее место, а всё время жизни человека превращается в рабочее время (т. е. вырастают эксплуатация прибавочного труда и *абсолютная* прибавочная стоимость).

В постфордистскую эпоху происходит децентрация и социального пространства, и мышления, возникают такие феномены, как номадизм, асистемность, ризоматичность мышления, наиболее ярко выраженные в постмодернизме. Культура под воздействием постфордистских практик превращается в коммерцию, проектный подход проникает во все сферы, происходит коммерциализация человеческих чувств и эмоций вплоть до «маркетинга практик родительства». В итоге отношения между людьми инструментализируются, все превращается в бизнес-проекты, вместо простой человечности отношений люди нацелены на «успех» и «креативность» т. е. наступает тотальное отчуждение, в котором просто-напросто исчезает не только все человеческое, но и само человеческое Я [80; 87].

9. Мартьянов Виктор Сергеевич – кандидат политических наук, заместитель директора по научной работе Института философии и права УрО РАН

Тематика дискурс-исследований

9.1. Дискурсивное поле противодействия коррупции

Вокруг дискурсивного поля коррупции в современных обществах сложились устойчивые мифы исторического оправдания, которые затрудняют противодействие ей, связанное с универсальными для любого общества технологическими решениями в области законодательства, культурной политики, стандартов госслужбы, механизмов гражданского участия и общественного контроля. В своих работах автор доказывает, что коррупция в любом обществе не может быть устранена полностью, пока принятие властных, управленческих решений осуществляется не искусственным разумом, озабоченным лишь общим благом, а одними людьми для других людей с их небезупречной моральной природой, наличием материальных партикулярных интересов и субъективными предпочтениями.

Коррупция может быть радикально сокращена двумя базовыми путями. Во-первых, путем соблюдения жестких стандартов деятельности государственных органов, чему должны сопутствовать дискурсы последовательной либерализации, саморегуляции, а также – стратегия расширения границ дискурса доверия в публичной жизни. Во-вторых, дискурсивное противодействие коррупции связано с созданием общих условий, в которых коррупционное поведение становится экономически невыгодным и морально неприемлемым. Это предполагает: а) презумпцию виновности должностных лиц, наделенных обществом полномочиями и доходами; б) увеличение доходов госслужащих и бюджетников, рост конкуренции за занятие указанных должностей; в) постоянно подтверждаемую нетерпимость элит к любым фактам коррупционного поведения на любом уровне, включая запрет на профессию и конфискацию имущества; г) прозрачность государства и механизмов принятия решений; д) расширение радиуса доверия в обществе как последовательное нивелирование архаичных дискурсов семейно-клановых социальных коммуникаций в пользу современных, ценностно-институциональных дискурсов и механизмов общественной интеграции.

В контексте описанного выше универсального дискурсивного поля противодействия коррупции в современных обществах российский случай дополнительно осложняется двойными стандартами. Официальный антикоррупционный дискурс во многом оказывается ложным внешним взглядом на реалии российского государства, где вопреки современной политической риторике коррупция является не преступлением, а общепринятой и легитимной сословно-статусной рентой. Поэтому базовым условием эффективности сокращения коррупции в России является не столько борьба с ней, сколько преобразование сословного государства в гражданское, а рентных механизмов распределения ресурсов – в рыночные. Только в современном обществе привычная сословно-статусная рента может превратиться из социальной нормы в неприемлемую обществом социальную патологию коррупции, требующую не риторического, а практического противодействия вне дискурсивного поля двойных сословных стандартов [98; 100; 105].

9.2. Генезис дискурса мягкой силы

Исследование исторического генезиса дискурса *мягкой* или *гибкой* силы (soft power) показало, что данный дискурс во многом является воскрешением грамшианской теории культурной гегемонии. Однако если неомарксисты применяли понятие культурной гегемонии для описания механизмов поддержания доминирующего классового политического порядка современных обществ, то новейшие политические учения рассматривают возможности и эффекты мягкой силы на глобальной арене конкуренции между современными нациями. Здесь мягкая сила является формой дискурсивной гегемонии, направленной на культурное продвижение и легитимацию «жестких» политических интересов. Представляется, что концепция гибкой силы актуализируется в глобальном мире, прежде всего, как способ компенсации (часто лишь символической и риторической) ослабления экономической и военной мощи мировых и региональных гегемонов [104].

9.3. Дискурсивное поле современной урбанистики

Бурно развивающиеся процессы урбанизации требуют комплексного осмысления своих социальных трансформаций и вызовов. Порождаемые городами конфликтующие социальные дискурсы превращаются в важный элемент центр-периферийной эвристической модели самоописания глобального или позднего Модерна. Значимые факторы и тенденции глобального развития, классовые дискурсы и образы будущего все больше детерминированы политическими, экономическими, культурными реалиями сетей городов и нового городского общества.

Мировая сеть городов одновременно предстает как совокупность мест, где концентрируются и достижения, и издержки глобализации, что выстраивает производимые в мегаполисах теории и дискурсы не только в сетевом, но и в иерархическом пространстве глобального мира. Это обуславливает критическое отношение к неолиберальным дискурсам креативного города, креативного класса и креативной экономики и перспективы их реализации в современных городах. Обещания, адресованные городу и горожанам в креативных дискурсах, нереализуемы для незанятого в постиндустриальной экономике большинства и формируют завышенные ожидания, искажая проблемную повестку города в пользу разного рода привилегированных меньшинств.

С опорой на методологию миросистемного анализа и сравнительного статистического анализа утверждается, что креативные индустрии и технологии характеризуются дискурсами ограниченных городских утопий XXI века. На фоне мировых урбанистических метаморфоз значимой спецификой отличается дискурс советской и постсоветской урбанизации. Если в советский период урбанистический дискурс был сконцентрирован на проблемах создания сети индустриальных мегаполисов, то в постсоветский период исследователям приходится сталкиваться с проблемами перехода к постфордизму и преобразования советского индустриального наследия, в том числе в виде моногородов. В новейшем урбанистическом дискурсе аргументируется перспективность диверсификации ресурсов индустриальных мегаполисов и исправление пороков советских городов-заводов путем их преобразования в многофункциональные

агломерации и сращивания с прилегающими городами-спутниками. Периферия подобных агломераций способна стать областью ускоренного развития, способствующей выравниванию качества жизни и функциональных дисбалансов центра и окраин, созданию дополняющих производств, деконцентрации инфраструктуры и перенаправлению ресурсных потоков на развитие деградирующей периферии российских мегаполисов. В результате сеть российских агломераций способна превратиться в географически растянутый центр, стимулирующий общее развитие и модернизацию российских регионов и привлекающий ресурсные потоки глобального мира.

Отдельно рассматривается трансформация дискурса модернизации северных городов России в новой ситуации открытой экономики. В условиях свертывания советской модели форсированной индустриализации и территориально-отраслевого планирования повышается потенциал внеэкономических факторов и условий развития региональных сетей российских городов. Факторы, связанные с диверсификацией ресурсов северных моногородов и целенаправленным повышением уровня межрегиональной мобильности населения, начинают оказывать все более сильное влияние на личные дискурсивные стратегии жителей северных городов [99; 109; 111; 113].

9.4. Дискурс российской Арктики

В области изучения стратегических дискурсов субъектов, осваивающих арктическое пространство, был проведен пилотный мониторинг арктической политики ведущих мировых держав и негосударственных субъектов освоения арктического региона. На основании данных мониторинга сформировано целостное представление о российской и альтернативных ей стратегиях освоения Арктики. Созданный в ходе исследований инструментарий апробирован на материалах таких крупных изданий, как «Российская газета», «Le Monde» (Франция), «Guardian» (Великобритания), «Washington Post» (США), «Le Devoir» (Канада), «Жэньминь Жибао» (Китай) и др. Из сравнения приоритетов базовых смысловых интерпретаций арктического пространства составлено представление о стратегиях разнообразных субъектов влияния в Арктике.

Отдельно рассмотрена трансформация новейшей арктической стратегии России в контексте глобального переосмысления потенциала арктического макрорегиона. Проведен анализ политико-правовых дискурсов освоения Арктики с учетом ее геополитического положения. На основе дискурс-анализа официальной российской прессы выделены основные субъекты, цели и проблемы освоения российского арктического пространства, анализируется динамика российских приоритетов в Арктике. Аргументируется вывод о дискурсе символического *присвоения* и географического *приближения* российской Арктики в официальных СМИ. При этом новейшая отечественная экспансия в Арктику во многом остается лишь риторической. В современной России по инерции сохраняют доминирующее положение героические арктические символы советского прошлого (полярник, Северный полюс, Северный морской путь, ледокольный флот, дрейфующая зимовка и пр.). Внутри устоявшегося нарративно-символического комплекса российской Арктики меняется лишь относительный вес его отдельных элементов в зависимости от изменения российской и глобальной полити-

ческой повестки. Обоснован вывод о необходимости переоценки российских арктических приоритетов с учетом международно-правового режима региона и потенциала разнообразных форм кооперативного участия в освоении Арктики.

В коллективной монографии «Российская Арктика в поисках интегральной идентичности» впервые анализируется становление различных дискурсивных моделей региональной идентичности арктических регионов России. Выявляются культурно-историческая специфика и ключевые факторы влияния на современную идентичность арктических регионов. Обосновываются предложения по созданию интегральной модели идентичности Арктического макрорегиона [103; 112; 157].

9.5. Дискурс рентной трансформации позднемоделного общества

Современные общества испытывают нарастающее давление альтернативных факторов их стратификации. Это давление кристаллизуется в новых политических идеологиях, учениях и коллективных дискурсах, чье растущее влияние постепенно вытесняет привычные классовые стратификации и классические современные идеологии. Базовая социальная структура, представленная ранее экономическими классами, рыночными конфликтами труда и капитала, все менее релевантна в контексте постиндустриальной экономики. Попытки найти выход из кризиса, обусловленного достижением пределов возможностей социального государства и свертыванием рынка труда с помощью консолидирующего дискурса среднего класса, окончились неудачей. Новая стратификация общества будет определяться не столько рыночными взаимодействиями, сколько властно-политическими возможностями доступа социальных групп к разнообразным видам ресурсов (активов, рент) распределяемых иерархически. Данный конфликт в качестве неизбежного следствия будет снижать стратификационный потенциал механизмов рыночной саморегуляции и усиливать роль государства в качестве агента нерыночного, рентного распределения ресурсов между социальными группами, а также способствовать формированию новых реалий рентного государства, капитализма и соответствующего рентного дискурса новых социальных групп.

В результате формируется рентный политический порядок, в котором рыночные коммуникации вытесняются иерархическими моделями дистрибутивных обменов, а социальная стратификация все сильнее зависит не от рыночного классового образования, а от доступа граждан и социальных групп к распределению рентных ресурсов, формируя доминирование рентоориентированного поведения. Поведение, связанное с поиском гарантированных статусных рент, все чаще становится более выгодной стратегией, чем рискованная предпринимательская деятельность или стремление занять выгодные позиции на рынке труда. Дрейф к модели рентной демократии обусловлен тем, что государство начинает в большей степени, чем раньше, заниматься прямым перераспределением ресурсов, минуя рынок. Ее особенность заключается в том, что за доступ к ресурсам конкурируют не экономические классы, а этатистские сословия. Конкуренция осуществляется по критериям не рыночной ценности, но полезности для государства. В результате формируется политический дискурс рентной демократии, где успехом является повышение статуса социальной группы в иерархии как условие расширения ресурсного доступа. Однако, решая накопившиеся структур-

ные противоречия и формируя новые влиятельные социальные группы, рентная трансформация создает ростки противоречий между новым сословно-рентным ядром общества и отодвинутыми на его периферию рыночными группами.

Современный российский политический порядок в контексте описанных выше социальных трансформаций представляет ценностно-институциональную реальность с двумя конкурирующими дискурсами легитимации. Процесс рыночного классообразования, начавшийся в результате распада советских сословий, был приостановлен, не будучи окончательно завершен. В то же время пространство дистрибутивных обменов, восстанавливающих привычный для российской истории рентно-сословный политический порядок, организующий неизменное ядро (центр) властно-политической организации общества, интенсивно расширяется. Поэтому социальная структура современной России представляет своеобразный сословно-рыночный кентавр, в котором экономические классы все интенсивнее переструктурируются сквозь нормативно-институциональную сеть постсоветских сословий. При этом рыночные взаимодействия и современные политические дискурсы отодвигаются на изменчивую защитную периферию, связанную с поиском ресурсов, легитимацией власти и адаптивным взаимодействием рентно-сословного ядра с внешним миром. Тем не менее, в отечественной политической теории продолжают доминировать дискурсы, описывающие российский политический порядок с помощью нормативных понятий, относимых преимущественно к его достаточно тонкой модерной оболочке. В результате эти дискурсы анализируют этот порядок с нормативных позиций должного, даже с учетом констатаций его разнообразных отклонений, игнорируя при этом специфику рентно-сословного ядра. Поэтому все более релевантными представляются альтернативные подходы, чувствительные к специфике дистрибутивных обменов и связанные с попытками теоретико-методологического схватывания новыми политическими дискурсами рентно-сословных особенностей ядра российского политического порядка [101; 103; 106; 107; 108; 110].

10. Моисеенко Ян Юрьевич – младший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, магистр политологии

Тематика дискурс-исследований

10.1. Дискурс конформизма в поле политической теории

Исследование, ставящее перед собой цель имплементации концепта, разработанного в формате конкретной дисциплины, в предметную область совершенно иной дисциплины, не может существовать без предварительного погружения в бытие этого концепта в оригинальных, т. е. «родных» для него условиях. Таким образом, исследование конформизма политико-философской направленности не может игнорировать социально-психологические «корни» этого феномена. В процессе их изучения было выявлено, что канонические классификации типов конформизма и конформистского сознания (С. Аш, Ст. Милграм, Д. Майерс) применимы к описанию ценностных ориентаций политических групп. Также было выявлено, что «конформизм» в теории не является типом ценностной ориентации, поскольку лишь свидетельствует процесс отказа от одних ценностей

в пользу других, но далеко не всегда сам выступает апологией такого процесса адаптации. Однако в современной политической практике наблюдается размытие понятия «ценностная ориентация», и дискурс конформизма как новой «ценностной ориентации» становится актуальным [114; 115].

10.2. Идеологические измерения дискурса конформизма

На предмет апелляции к ценностям конформизма были подвергнуты анализу политическая идеология либерализма и политический режим либеральной демократии. В частности, была проанализирована общая плоскость, в которой разворачиваются дискурсы «конформизма» и дискурс такого значимого для либерализма и популярного концепта как «права человека». В ходе изучения «точек пересечения» данных проблематик было выявлено, что оба дискурса зиждутся на общей точки отсчёта – феномене «индивидуума» как антропологической ипостаси парадигмы Модерна. Так что понимаемый в традиционном ключе конформизм как процесс адаптации предпочтений и ценностей «индивидуума» к референтной внешней инстанции, в том числе, и организованной для него случайным образом, в своей сущности имманентен основаниям современного дискурса «прав человека». В первую очередь, этот вывод базируется на рассмотрении идеологии прав человека как инстанции, искусственно сконструированной либеральным дискурсом по аналогии с коллективным мнением референтной группы, куда вовлекается индивид в социальных экспериментах [116; 117].

10.3. Дискурс конформизма в контексте проблематики колониализма

Традиционный для политической науки феномен «колониализма» получил ещё одно прочтение, будучи рассмотренным через призму феномена «конформизм». В целом, введение дискурса конформизма в колониальную проблематику стало возможным благодаря междисциплинарному подходу, включающему несколько традиций: историко-философскую, политическую, социально-психологическую. В результате проведенного анализа выявлено дополнительное измерение колониализма – «Имперский» колониализм, для концептуализации которого проводится важнейшая разграничительная линия между традиционной колониальной политикой («империализмом») и новой – Имперской формой. Сущность концептологического разведения заключается в том, что Империя не осуществляет жёсткого подавления (экономического, политического) подвластных территорий, она поглощает суверенитет мягко – через апелляцию к конформизму, форматируя ценности и предпочтения социальных общностей на индивидуальном уровне [116; 118].

10.4. Взаимосвязь дискурсов «мягкой силы», «умной силы», мобильности и конформизма

Осуществлен анализ участия компонентов «мягкой» (soft) и «умной» (smart) силы в решении стратегических задач крупными политическими акторами мировой политики. Сделан вывод, что оба этих инструмента воздействия на массовое сознание апеллируют к некоей имманентной черте разнообразных сообществ и политических групп, отвечающей за форматирование ценностей, мотиваций и предпочтений. В качестве своеобразного «общего знаменателя» был предложен конформизм, дискурс которого пронизывает общественно-политическую

повестку на различных уровнях – от аксиологического уровня конкретных групп, до онтологических оснований ключевых идеологий Модерна.

В методологический арсенал исследования были взяты несколько подходов, каждый из них иллюстрирует конформизм с различных сторон. Одним из них стал культурно-исторический подход, с помощью которого стало возможным выделить три основных типа конформизма: реформистский, индустриальный и постиндустриальный. Для исследования пересечений дискурсов «мягкой силы», «конформизма» и ещё одного нового дискурса «креативности», постиндустриальный конформизм или конформизм «эпохи информационного общества» предлагает наиболее богатый материал. Благодаря анализу работ таких исследователей как М. Кастельс, З. Бауманн, Т. Крессуэлл, Дж. Урри и других, были выявлены такие специфические типы постиндустриального конформизма: урбанизационный, мобильный, информационный.

Постиндустриальное конформистское сознание в своих различных ипостасях выступает в качестве «проводниковой среды» для ценностей, предпочтений и установок, доводимых до адресата по каналам «мягкой силы». В данном случае не играет принципиальной роли, какой характер носит данная среда – идёт ли речь о системе массовых коммуникаций, организации общественных отношений по принципам «сети» или же о современном мегаполисе как о «пространственно-временном континууме». В качестве альтернативного подхода была использована феноменологическая методология, с помощью неё была осуществлена своего рода «вивисекция» концепта «умной силы» (smart power). В результате у исследователя появилась возможность вести речь об «умной силе» не только как об особой модификации «мягкой силы», но и как о самостоятельном феномене – о «силе Ума» (power of Smart). Таким образом, на первый план дискуссии вокруг «умной силы» был выведен её кратологический аспект. В качестве одного из режимов функционирования «умной силы» (smart power) был описан особый феномен «интеллектуального колониализма», также были рассмотрены его формы и инструментарий [121; 122; 124].

10.5. Дискурс мобильности

Дискурс мобильности рассматривается в качестве иллюстративного материала для исследования влияния неинституциональных критериев на политический процесс и политическую социализацию индивида. Собственно, «мобильность» изучается в нескольких измерениях: как продукт социального времени и пространства, как важнейший механизм в процессе распределения власти. В современном глобальном мире «мобильность» и её дискурс всегда сопряжены с проблематикой адаптивности индивида к среде, поскольку этот дискурс способен к молниеносной реорганизации в фарватере изменений внешней среды. Касаемо измерения мобильности, связанного с субъектом, было проведено исследование историко-политических аспектов становления антропологического типа «homo mobilis» («человека мобильного»). Согласно гипотезе, истоки homo mobilis обнаруживают себя на заре становления эпохи Модерна, в ходе выдвигания буржуа на авансцену социально-политической жизни и распространения буржуазных ценностей. Прослежена взаимосвязь развёртывания либеральной парадигмы в политической теории и mobility turn («мобильного поворота») рубежа XX–XXI вв. [119; 125].

10.6. Феноменологический анализ мобильности

Проведено феноменологическое вскрытие концепта «мобильность», в частности, изучено соотношение собственно «мобильности» и конкретных практик движения. Одним из результатов применения феноменологического подхода в исследованиях «мобильности» стала возможность формирования образной, метафорической интерпретации «мобильной» социологии. Кроме того, феномен мобильности рассматривался через призму этимологической трактовки, где ключевым аспектом стало исследование составляющей *mob* («толпы»). В этой интерпретации мобильность выступила в качестве одного из свойств постиндустриального массового конформистского сознания, благодаря чему была выявлена общность «мобильного» и «одномерного» антропологических типов. Ключом к пониманию их концептуального пересечения становится особый экзистенциал *das Man* (the They), введённый в философский тезаурус немецким философом М. Хайдеггером. Склонность к спонтанному принятию своевременных решений является неотъемлемой чертой конформистского сознания, поэтому особый интерес представляет категория «мобильного потенциала». Для того чтобы грамотно осмыслить природу этого потенциала, был изучен феномен мобильности [120; 123].

11. Мошкин Сергей Вячеславович – доктор политических наук, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН

Тематика дискурс-исследований

11.1. Дискурсивное поле советской экспансии

Политологическому анализу подвергнута теоретическая дискуссия о характере советской военной доктрины, состоявшаяся в начале 1920-х гг. среди военного и политического руководства СССР. Показывается, как часть военных теоретиков во главе с М. В. Фрунзе и М. Н. Тухачевским, вульгарно используя марксизм, настаивали на создании особой пролетарской военной доктрины, имеющей исключительно наступательный характер. Им оппонировала группа военных во главе с Л. Д. Троцким, выступавших против необдуманного использования вооруженных сил для экспорта революции. Исследование доказывает, что одним из последствий политического поражения Троцкого стало утверждение в среде советских военачальников идеологизированной, основанной на догматически-классовом подходе, наступательной военной доктрины с ее печально-знаменитым лозунгом «Бить врага на его территории» при полном забвении вопросов стратегической обороны. Это обернулось величайшей трагедией Красной армии в начальный период войны в 1941 г.

Впервые в рамках отечественной политической науки исследованы обстоятельства присоединения Закарпатской Украины к Советскому Союзу. Показывается, как эта территория, никогда ранее не принадлежавшая ни Российской империи, ни СССР, с подачи и при согласии руководства Чехословакии стала в 1945 г. частью Советской Украины и СССР. Исследование доказывает, что возросший авторитет СССР как страны-победительницы германского фашизма, присутствие в Закарпатье частей Красной армии, а также

активная деятельность местных коммунистов, поддерживаемых советским военным командованием, сыграли решающую роль в росте просоветских настроений среди жителей Закарпатья, чем не преминуло воспользоваться советское руководство в своей политике экспансионизма и расширения послевоенных границ.

Исследованы дипломатические попытки СССР установить контроль над Черноморскими проливами на заключительном этапе Второй мировой войны и в первые годы после ее завершения. Показано, что намерения СССР не были поддержаны союзниками по антигитлеровской коалиции. Делается вывод, что СССР своими претензиями на Проливы превратил некогда нейтральную Турцию в стратегического партнера США.

Установлены основные характеристики «гибридной войны» как относительно нового типа современных войн. Применительно к России высказывается предположение, что «фантомные боли» по былому могуществу вынуждают руководство страны минимизировать использование технологий «мягкой силы» в международных делах в угоду политике реванша, что проявляется в резком увеличении военных расходов и проведении военно-силовых акций в отношении сопредельных государств с применением тактики «гибридной войны» (hybrid warfare) [127; 128; 129; 130; 132; 133; 134; 145].

11.2. Дискурсивное поле гуманитарных интервенций

Рассматривается один из самых дискуссионных вопросов международной политики и права – допустимо ли вооруженное вмешательство извне во имя предотвращения преступлений против человечности, осуществляемое без согласия правительства страны, подвергшейся вторжению? Высказывается мнение, что международному сообществу не следует отказываться от практики гуманитарных интервенций, несмотря на то, что некоторые из них не достигли желаемого результата. Формулируются необходимые условия для осуществления вооруженного вторжения в гуманитарных целях, а также моделируются поочередные этапы успешного выполнения гуманитарной миссии [138; 142].

11.3. Политический дискурс постсоветского пространства

Изучен процесс политической эволюции постсоветских стран Центральной Азии и России. Некоторые из установившихся на евразийском пространстве политических режимов, формально использовавшие с момента их зарождения демократическую риторику, описываются как режимы имитационной демократии. Установлено, что внутренняя динамика таких режимов ведет к накоплению имманентно присущих им системных противоречий и неизбежно повышает риски дестабилизации сотрудничества стран-участниц Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) [140; 143].

11.4. Дискурс российского федерализма

Сформулированы базовые принципы формирования национального парламента в федеративном государстве, ведущим из которых является принцип бикамерализма. При этом подчеркивается, что решения, принимаемые верхней палатой парламента, должны быть гарантированы от посягательства нижней палаты. Показано, что сосуществование обеих палат позволяет эффективно комбинировать политические устремления нации, выражаемые политическими

партиями, с интересами территориальных сообществ, составляющих федерацию. В итоге несовпадение структурных противоречий, присущих каждой из палат, и вынесение разноплановых по своей сути конфликтов на различные политические площадки превращает парламент в целом в действенный механизм защиты интересов большинства и меньшинства одновременно [126].

11.5. Дискурс регионализма

Восстановлена хронология основных политико-правовых процедур и мероприятий, предшествующих самопровозглашению Уральской республики, а также наступивших юридических последствий этого акта. Доказано, что авторы идеи Уральской республики руководствовались не сепаратистскими устремлениями, а лишь желанием установления равноправных отношений между субъектами Федерации и Центром. Вместе с тем, односторонность действий руководства Свердловской области была продиктована невозможностью апеллировать к российской верховной власти в силу острейшего политического кризиса, поразившего ее осенью 1993 года.

Проделана историко-политическая реконструкция процесса передачи в 1954 году Крымской области РСФСР в состав Украинской ССР. Высказывается гипотеза, что передача Крыма Украине была обусловлена не волюнтаристским стилем руководства СССР, а являлась, учитывая географическое положение Крыма, исключительно рациональным решением в целях оптимизации процесса восстановления хозяйственного комплекса полуострова, в том числе за счет строительства крупнейших межреспубликанских инфраструктурных проектов того времени – Каховской ГЭС и Северо-Крымского канала. Доказывается, что передача Крыма Украине была не собственно политическим решением, а, скорее, административно-хозяйственным, для устранения возможных противоречий о территориальных зонах ответственности между министерствами УССР и РСФСР [141; 146].

11.6. Дискурсивное поле марксизма

Установлено сущностное содержание политической деятельности. Опираясь на методологию К. Маркса, показавшего, что характер всякой человеческой деятельности определяется не столько её предметом (направленностью человеческого интереса), сколько средством, имеющимся в распоряжении людей для осуществления самой этой деятельности, показано, что содержание политической деятельности определяется возможностью людей использовать политическую власть как единственно возможное средство для подобной деятельности. Такой возможностью обладают не все, а только ограниченный круг лиц, наделенных специальными властными полномочиями по принятию руководящих решений, обязательных для всех. Поэтому не всякую социальную активность в сфере политики следует считать политической деятельностью. В политических исследованиях, в процессе законотворчества и, особенно, в правоприменительной практике следует различать собственно политическую деятельность и деятельность гражданскую. Последняя опирается не на использование ресурсов власти, как в случае политической деятельности, а на реализацию людьми своих гражданских, в том числе политических, прав и свобод, установленных законом [136; 139].

11.7. Дискурс российской модернизации

На обширном материале доказано, что Российское государство на всем протяжении своей зримой истории, дабы доказать свою состоятельность и хотя бы в некоторой степени соответствовать уровню социально-экономического развития передовых стран, вынуждено было заимствовать у них новейшие технологии и технико-экономические решения для модернизации собственного хозяйства. Показано, что российская ситуация, в этом смысле, не является уникальной. Делается вывод, что особенностью России является то, что технологические заимствования в ней направлялись, главным образом, на решение государственных военно-политических задач и достижение военного превосходства над реальными и потенциальными противниками [137].

11.8. Дискурсивное поле противодействия коррупции

Рассмотрен механизм приобретения позитивной политической репутации должностного лица при помощи информационных ресурсов публичной власти и в целях приобретения личной выгоды нематериального характера, том числе достижения электоральных преимуществ над своими конкурентами, политического подавления последних, как частный случай политической коррупции. Доказано, что институциональные основания такого вида коррупции заложены в самой возможности дискреционного (т. е. нерегламентированного, по собственному усмотрению) распоряжения медиа-ресурсами власти. Показывается устойчивая связь резкого увеличения властных расходов на СМИ с электоральными циклами. Предлагаются возможные административные мероприятия по минимизации зон коррупционных рисков в процессе информационного обслуживания власти [135; 144].

11.9. Дискурс исторических фальсификаций

На примере изобретения велосипеда, авторство которого многие годы приписывали некоему Артамонову – тагильскому рабочему заводчиков Демидовых, показывается, как в послевоенном СССР создавались мифы о превосходстве русского (советского) народа во всех сферах человеческой деятельности. На основе исторического исследования доказано, что так называемый «велосипед Артамонова» является технической подделкой, а практически весь библиографический корпус работ по этой теме, включая статьи в изданиях Большой советской энциклопедии, – историческими вымыслами и фальсификациями [131].

12. Романова Кира Степановна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН

Тематика дискурс-исследований

12.1. Дискурс перформанса

Перформанс рассматривается как социально-коммуникативный феномен, близкий, но не тождественный по форме и контенту театрализованному представлению. В дискурсе перформанса предпочтение отдается непосредственному переживанию (здесь и сейчас, в это время и в этом месте), искусство и повсед-

невная жизнь протекают в одно и то же время. Перформанс не имеет определённого эстетического направления или программы: социальный аспект, игра, провокационность, время – всё это делает его широко применяемым и в корне отличным от произведения искусства.

Дискурс перформанса побуждает окружающих к совместному действию (интерактивность) и рассчитывает на со-переживание, на со-чувствие. В акте перформанса создается образ, который инициирует осмысление культуры, топоса, времени. Перформанс наряду с ролевыми элементами содержит бытийный контекст, демонстрируя и комментируя, переживая и понимая одновременно. Он использует энергию жеста, звуки, запахи, визуальные образы, коллективные действия, медитативные состояния, страхи и ожидания, табу и карнавально-праздничное чувство его нарушения [153].

12.2. Дискурс травелога

Травелог во всем его многообразии, будучи формой познавательно-эмпирического освоения мира, включен в ментальный процесс формирования и конструирования картины мира, дает философскую интерпретацию освоения иного пространства и времени, выступает в качестве мощного культурологического фактора. Дискурс травелога в своем ментальном ядре содержит инструменты идентификации – социальной, культурной, статусной. Он содержит не только впечатления от столкновений с новыми реалиями, связанными с возникающими на месте мыслями, эмоциями, ощущениями передвижения внутри культурного хронотопа, но и элементы послевкусия – желание поделиться радостью приобретения дополнительных идентификационных (статусных) маркеров.

Для того чтобы проведенные в иных социокультурных и территориальных пространствах дни превратились из индивидуального воспоминания в предмет общественного внимания и значимости, необходимо войти в социально-коммуникативные сети, где возможна конвертация приобретенного багажа впечатлений в достояние общественного мнения, подтверждаемое откликами, «лайками», комментариями и т. п. Этим целям могут также служить привезенные из поездки сувениры, фотографии, любительские видеофильмы. Участие в Интернет-форумах в качестве активного носителя дискурса травелога выступает определяющим признаком принадлежности к среднему классу [152; 156].

12.3. Дискурс «мягкой власти»

Рассматриваются дискурсы манипулирования людьми как мягкие способы информационно-психологического воздействия на сознание людей с целью управления им. Сущность манипуляции трактуется как скрытое мягкое принуждение личности действовать в нужном для властвующего субъекта направлении для удовлетворения его интересов и достижения определенной цели.

Показывается, что тайное принуждение как специфический способ управления используется на всех уровнях социальной коммуникации – от межличностного общения до массовых взаимодействий. Раскрывается содержание и структура манипулятивного воздействия как формы «мягкой» власти, описываются конкретные формы, методы и технологии. Рассматриваются различные классификации и типологии субъектов манипуляций (манипуляторов). Отмечается,

что главным способом противодействия манипулятивному дискурсу является полный контроль за информационными потоками.

Рассмотрено сочетание применения содержательных форм, методов и технологий мягкой силы в различных сферах общественного управления. В каждой сфере управления – своя диалектика принуждения и убеждения. В связи с этим все многообразие технологий soft power можно классифицировать по целям (изменение свойств социального пространства и перекодировка социальной реальности), по объекту воздействия (институты, социальные группы, образование, воспитание, ментальные сферы и др.), по субъекту воздействия (формальные и неформальные субъекты управления), по методам воздействия (административное принуждение, влияние ритуалов, моды). Особые группы «мягких» методов и технологий управления образуют информационные технологии, а также методы риторического и рекламного воздействия, пропаганды и агитации [148; 151].

12.4. Дискурс хронотопа

Выявление роли пространственно-временных факторов в современной социокультурной динамике приобретает особую значимость в условиях радикального изменения представлений о пространстве и времени, связанного с глобализацией. Глобализация и локализация диктуют новые требования к осмыслению проблем цивилизационно-культурной идентичности. Многие из этих проблем могут быть решены в рамках пространственно-временного, хромотопного анализа современной цивилизации. Понятие хромотопа можно использовать и в оценке существующих культур и цивилизаций. С точки зрения хромотопного анализа современные цивилизации предстают как внутренне неоднородные в культурно-пространственном отношении.

Хромотоп выступает преимущественно точкой означивания и смысловой конкретизации тех или иных событий и процессов. При этом каждый хромотоп включает в себя множество относящихся к более мелким пространственно-временным масштабам хромотопов конкретных событий и процессов, которые в свою очередь интегрируются в общую, относительно целостную хромотопную модель. В структуре этой модели отдельные хромотопы могут включаться друг в друга, контрастировать, сосуществовать, переплетаться, сменяться и т. д.

Развитие хромотопа личности проходит через борьбу старого с новым, между добром и злом, между разрушением и созиданием, включая диалектику прошлого, настоящего и будущего. Живя только сегодняшним днем (здесь и сейчас), личность рискует утратить ценность и значение своей жизни. При решении только повседневных задач текущего момента, обеспечивающего выживание, без перспективы на будущее, происходит обеднение психологической организации личности. Абсолютное погружение в прошлое приводит к застою или к «нравственной смерти» [155].

12.5. Концепт и дискурс исторической памяти

Рассматриваются различные подходы к концепту исторической памяти как способу сохранения и трансляции прошлого в эпоху утраты традиции, как индивидуальная память о прошлом, как коллективная память о прошлом, как

социальная память о прошлом и, наконец, просто как синоним исторического сознания. Историческая память – понятие коллективное. Она заключена как в сохранении, так и в понимании общественного исторического опыта. Коллективная память поколений может быть как среди членов семьи, определенных групп, населения города или деревни, так и у всей нации, страны и всего человечества.

Историческая память воспроизводит непрерывность и преемственность социального бытия. Содержание памяти составляет прошлое, но без него невозможно мышление в настоящем, прошлое – это глубинная основа актуального процесса сознания. Базисом для исследования социальной исторической памяти послужил арсенал русской и западной психологической науки, в которой изучение памяти как продукта исторического развития психики человека имеет длительную традицию. Выделены наиболее активно исследуемые формы исторической памяти, такие как: коммуникативная память, культурная память, «мягкая» память, «жесткая» память.

Исследование исторической памяти всегда представляет собой реконструкцию идентификационных структур, свойственных сознанию «вспоминающей» эпохи. Понятия «идентичность» – «память» – «дискурс» – «образ» – «миф» существуют в одном проблемном поле, очерчивая смысловые координаты, в которых существуют современные исследования по истории памяти.

Дискурсивный подход к проблемам коммеморации акцентирует внимание на семиотических, аксиологических, образно-интерпретационных и репрезентационных компонентах коллективной памяти. Особое внимание уделяется изучению дискурса ее политических репрезентаций, которые задействованы в такой сфере, как *политика памяти* [149; 150; 154].

13. Руденко Виктор Николаевич – доктор юридических наук, член-корреспондент РАН, директор Института философии и права УрО РАН

Тематика дискурс-исследований

13.1. Дискурс демократии

В серии публикаций, начало которой положили исследования популизма, проведенные в начале 1990-х годов, получила развитие тема прямого народовластия. Прямая демократия рассмотрена в качестве способа осуществления власти гражданами путем принятия ими публично-властных решений. Проанализировано понятие прямой демократии. Дан сравнительный анализ «архаической» и «модернистской» моделей прямого народного правления. На основе дифференциации «мобилизационных» и «согласительных» политических систем обоснована методология исследования институтов прямой демократии в современном конституционализме. С использованием методов сравнительного правоведения исследованы две группы институтов прямой демократии: институты, регулирующие принятие гражданами управленческих решений, и прямое правотворчество граждан – референдум, народная правотворческая инициатива, народное вето, общие собрания (сходы) граждан; институты, обеспечивающие прямое участие граждан в формировании системы публичной власти – прямое волеизъявление граждан на выборах, отзыв депутата (выборного должностного лица), роспуск

выборного органа власти. Рассмотрены проблемы развития прямой демократии в современном российском законодательстве.

В развитие темы проанализирован феномен «чистой демократии» («pure democracy»). «Чистая демократия» рассмотрена как определенная политико-правовая модель правления, которая может быть взята за образец конструирования реальности. Показано, что значимость идеи «чистой демократии» заключается в том, что она нацелена на выработку моделей власти и управления, противоположных меритократии. В то же время обосновано положение о принципиальной невозможности буквальной реализации идеи «чистой демократии» на макроуровне в современном мире. Проанализированы такие атрибутивные признаки «чистой демократии», как автократизм, монизм, синкретизм власти. Показано, что современные формы правления должны быть адаптированы к полиархии, дифференциации и многополярности общества, плюрализму, разделению властей.

Сконструированы возможные модели политических режимов в ситуациях совместимости и несовместимости верховенства права и демократии. На основе предложенного подхода проанализированы два типа демократического режима и четыре типа недемократического режима. Это позволило по-иному (по сравнению с методиками Freedom House и др.) оценить динамику изменения политических режимов в разных странах мира. Большое внимание уделено проблеме верховенства права и демократии применительно к России и независимым государствам, образовавшимся после распада СССР. Аргументирован тезис о необоснованности высказываемых в современной политологической литературе выводов о происходящем процессе дедемократизации политического режима в России в период после 1995 г. Показано, что политический режим в стране как до 1995 г., так и до настоящего времени не был демократически ориентированным, оставался и остается режимом с низким потенциалом верховенства права. В период после распада СССР сменился лишь тип недемократического политического режима. Отмечено, что главным вектором развития для России и постсоветских государств должен стать демократический политический режим, фундированный на идее демократического верховенства права. Однако движение в этом направлении в России и ряде других стран (Азербайджан, Беларусь, государства Центральной Азии) сопряжено с издержками трактовки демократического верховенства права. К таким издержкам отнесены антизападничество и релятивистский подход к ценностям верховенства права и демократии; отождествление верховенства права (Rule of Law) с правлением на основе права (Rule by Law); инструменталистский подход к праву; параконституционные практики [162; 165; 167].

13.2. Дискурс делиберативной демократии

Особое внимание уделено коммуникативному дискурсу в демократическом процессе. Показано, что перспективы современной демократии связаны с развитием коммуникации власти и представителей гражданского общества в различных ее проявлениях (публичные и общественные слушания, обсуждение публично-значимых вопросов общественными советами, участие граждан в составе консультативных органов и др.). Акцентировано внимание на проблемах аксиологии защиты прав человека. Показано, что в основе аксиологии защиты прав человека в современном мире лежат, преимущественно, представления о непартиципаторной (элитарной) демократии. В соответствии с ними важнейшие

публично-властные решения принимают органы власти, граждане же участвуют в механизме согласования интересов посредством голосований. В связи с этим ценностной доминантой защиты прав человека является политика интересов, основанная на решениях большинства, выражающих устремления основных акторов политической деятельности. Доминирующей стратегией выборных органов власти является конституционализация норм о правах человека в целях их судебной защиты. При этом права человека воспринимаются гражданами как установленные властью и дарованные ею. Показано, что недостатком такой стратегии является постоянно сохраняющаяся угроза ограничения прав человека со стороны государства. Препятствовать этой угрозе необходимо посредством освоения ценностей делиберативной демократии. В связи с этим проведен сравнительный анализ ценностей элитарной и делиберативной демократии. Показано, что смещение акцента на коммуникативный дискурс в аксиологии защиты прав человека способствует выработке новой стратегии защиты прав человека. Эта стратегия основана на согласовании и артикуляции интересов широкого круга лиц, воспринимающих права человека как общее благо. На основе выработанного подхода показаны различные формы проявления делиберативной демократии в аксиологии прав человека. Подчеркнута значимость ценностей гражданского контроля и других форм гражданского участия в защите прав человека.

Получило развитие направление исследований дискурса делиберативной демократии применительно к современному правосудию, в том числе к так называемому восстановительному правосудию как форме гражданского участия в регулировании деликтных отношений [157; 161; 166].

13.3. Антикоррупционный дискурс

Всесторонне исследован институт большого жюри (Grand Jury) и большого гражданского жюри (Civil Grand Jury) в США. Еще в колониальный период истории США большие жюри были общественными контролерами действий властей. После революции 1775–1778 гг. они оставались едва ли не единственными органами, рассматривавшими обращения граждан против произвола чиновников. Присяжные больших жюри исполняли роль общественных смотрителей, что нашло закрепление в крылатом выражении «watchdog function» («функция сторожевых псов»). Однако в течение XX столетия эта функция стала подвергаться критике из-за ряда громких и необоснованных обвинений присяжных больших жюри, выдвинутых против высокопоставленных должностных лиц. В большинстве штатов США большие жюри стали выполнять исключительно уголовно-процессуальные функции, связанные с проверкой обоснованности обвинения прокурора в совершении уголовного преступления. В настоящее время «watchdog function» выполняют большие жюри только в нескольких штатах. Но ввиду актуальности проблемы гражданского контроля над властью, темы коррупции в стране развернулись дискуссии о целесообразности закрепления данной функции за большими жюри не только на уровне штатов, но и на федеральном уровне организации судебной власти. В связи с этим обращено внимание на опыт правового регулирования деятельности больших жюри в штате Калифорния, где «watchdog function» больших жюри наиболее развита. На основе норм Уголовного кодекса штата показано, что большие жюри наделены чрезвычайно важными полномочиями по контролю и надзору за финансовой, хозяйственной и иной

деятельностью должностных лиц и органов публичного управления, за методами и самой системой управления. Обращено внимание на аргументы за и против выполнения большими жюри «watchdog function» и на процесс реформирования больших жюри в связи с критикой их деятельности. Акцентировано внимание на том, что с начала 2000-х гг. большие жюри, выполняющие гражданские контрольные и надзорные функции, получают определенную автономию от традиционных больших жюри, действующих в рамках уголовного процесса. За ними закрепляется наименование «Гражданские большие жюри». Проанализирован порядок формирования и деятельности этих коллегий. Показано, что законодатель штата работает над усилением представительства всех слоев общества в районе юрисдикции суда в составе больших гражданских жюри, стремится к большей открытости этих органов, принимает меры по повышению ответственности присяжных за их решения. По мнению автора, калифорнийский опыт в определенной мере может быть учтен в ходе разработки и совершенствования российского законодательства об общественном контроле.

Кроме того исследован такой важный элемент антикоррупционного дискурса, как жеребьевка при формировании состава присяжных. Особое внимание при этом уделено античным практикам жеребьевки. В частности, предметом анализа стал опыт использования машины для жеребьевки (клеротериона) в Древней Греции. Впервые детально изучен опыт Древнего Рима по созданию и формированию состава постоянных судебных комиссий по уголовным делам (*quaestiones perpetuae*), занимавшихся рассмотрением дел о вымогательствах, подкупе и др. Особое внимание уделено роли случайного отбора судей в состав этих комиссий. Показано, что древнеримская правовая мысль предвосхитила современные подходы к формированию неподкупных судов присяжных. Так, заслуживает внимания практика ежегодной ротации постоянных судебных комиссий, опыт распределения судебных дел на основе случайной выборки; практика формирования состава постоянных комиссий для разбирательства каждого отдельного дела по жребию; использование процедуры многоступенчатой и дополнительной жеребьевки; создание смешанных судебных коллегий (*split juries*) и др. Показано, что этот опыт может быть полезен современным законодателям, несмотря на то, что древним римлянам не удалось искоренить коррупцию в судах. Заслуживает внимания тот факт, что дела о взятках и вымогательствах должностных лиц подлежали разбирательству с участием присяжных. Введен в научный оборот перевод на русский язык фрагмента Флорентийской таблицы, известной как *Fragmentum Florentinum I*. Данный фрагмент характеризует порядок формирования коллегий судей, потенциально не подверженных коррупции [158; 159; 160; 161; 163; 164;].

14. Русакова Ольга Фредовна – доктор политических наук, заведующая отделом философии Института философии и права УрО РАН

Тематика дискурс-исследований

14.1. Дискурс современной политической философии

Выделены и рассмотрены основные дискурсные повороты в истории политической философии, которые произошли в интеллектуальной жизни стран

Запада и России после окончания Второй мировой войны. Обозначены новейшие теоретико-методологические повороты, определяющие траекторию будущего развития политической философии.

Раскрыты особенности предметно-дискурсивного поля политической философии, проанализированы основные методологические подходы к интерпретации предмета данной дисциплины: позитивистский, ценностный, деонтологический, концептологический, мультипарадигмальный, структурно-философский, дискурсивно-аналитический. Дано определение понятию дискурса политической философии: «дискурс политической философии представляет собой динамичную когнитивную решетку, выполняющую функции теоретического структурирования, моделирования, интерпретации и оценки феноменов политической жизни».

Выдвинута гипотеза о существовании следующих дискурсивных типов политической философии: дискурс политической философии классического типа; постклассический политико-философский дискурс; дискурс неклассической политической философии; дискурс политической философии постнеклассического типа. Рассматриваются базовые черты каждого из типов политической философии и анализируются труды их представителей.

Дается дискурс-анализ классических, неклассических и постнеклассических концепций политической власти как концептуального ядра политической философии. Особое внимание уделено концепциям политической власти, представленным в работах М. Фуко, Дж. Батлер, П. Бурдьё, Э. Тоффлера, Ю. Хабермаса. Проанализированы концепты и дискурсы культурно-информационной власти: концепты общества знания и когнитивного капитализма, концептуальные модели идеологического дискурса, дискурс символической политики.

Рассмотрены современные интерпретации традиционных концептов политической философии: концепт справедливости / несправедливости, концепт насилия, концепт политической идентичности. Проанализированы особенности дискурсов новейших течений в политической философии: дискурс неолиберализма, дискурс либертарианства, дискурс коммунитаризма, дискурс мультикультурализма, дискурс феминизма, дискурс левых политических движений [171; 173; 177; 179; 187; 196].

14.2. Концептосфера и дискурс политической коммуникативистики

Рассмотрена специфика дискурса политической коммуникативистики, которая характеризуется структурой ее концептосферы, то есть системой концептов, представляющих собой ключевые понятия, вокруг которых образуются подвижные интерпретационные поля. Концепты трактуются как многослойные дискурсивные образования, структуру которых образуют разнообразные способы интерпретации определенной когнитивной единицы, которая дает общее имя всем вариациям дискурса.

Концепты политической коммуникативистики произрастают на базе нескольких предметно-дискурсивных полей, а именно следующих: предметно-дискурсивное поле теории и практик массовой коммуникации; предметно-дискурсивное поле массовой культуры, рассматриваемой в качестве мощного коммуникативного ресурса; предметно-дискурсивное поле политической идеологии как институционально-коммуникативной системы, направленной

на форматирование общественного сознания; предметно-дискурсивное поле политического маркетинга и PR, в рамках которого политико-коммуникативный процесс анализируется посредством маркетинговых категорий и PR-понятий; предметно-дискурсивное поле теории и медиа-практик информационно-цифрового общества.

Формирование концептосферы политической коммуникативистики объективно обусловлено глобальными трендами современного мирового развития, обозначаемыми такими понятиями, как «маркетинговая революция», «консьюмеристская революция», «информационная революция», «цифровая революция» и т. п.

Значительная часть концептосферы политической коммуникативистики представляет собой эпистемологический синтез категорий коммуникативного маркетинга и PR с понятиями, характеризующими традиционные политические коммуникации (институциональные, публичные, идеологические и др.). К ментальным образованиям такого рода можно отнести, к примеру, концепты бренд-имеджевой линейки: бренд-имиджевая политическая коммуникация, имидж/бренд государства и т. п. На пересечении PR-маркетинговых дискурсивных полей с дискурсивным полем политической идеологии формируются концепты, характеризующие коммуникационный капитал новых типов и форм идеологического «заражения», в состав которого входят определенные политические технологии [184; 191; 200].

14.3. PR-дискурс

Впервые в научный оборот введено понятие «PR-дискурс», проведен анализ разнообразных видов и форм PR-деятельности с позиции дискурсного подхода. Рассматриваются лингвистические, кратологические, семиотические, социально-коммуникативные и постмодернистские трактовки дискурса, которые выступают теоретической базой для исследования свойств и черт PR-дискурса. Подробно анализируются трактовки дискурса с позиции критического дискурс-анализа (КДА), социокультурного дискурс-анализа и нарративного подхода.

PR-дискурс определяется как знаково-символическая деятельность, осуществляемая в публичном коммуникативном пространстве, в ходе которой реализуются функции формирования символического, социетального, утилитарного и коммуникационного капиталов.

Разработана структурная модель дискурса публичной коммуникации, состоящая из шести основных планов, которая применима к исследованию PR-дискурса, выявлены ее перформативные компоненты. Предметом специального анализа стали дискурсы шоу-политики и PR-шоу, презентационный дискурс, дискурсы имиджа и бренда, дискурс глэм-культуры, разнообразные жанры институционального PR-дискурса. Особенно пристальное внимание уделено изучению жанров корпоративного PR-дискурса, к которым, наряду с прочими корпоративными жанрами репрезентационного характера, относится имиджевый жанр вузовского PR-дискурса [170; 173; 177; 205].

14.4. Дискурс шоу-политики

Шоу-политика как перформативный жанр политической коммуникации в своей основе является синтетическим конгломератом разнообразных дискур-

сов: PR-дискурсы, дискурсы спектакля, дискурсы массового шоу-бизнеса и др. Главный девиз шоу-политики: «развлекай и властвуй».

Шоу-политика – это одновременно и политическая технология, и властный ресурс. Дискурс шоу-политики обладает рядом атрибутивных свойств, к которым относятся: зрелищность, интерактивность, презентативность, манипулятивность, маркетинговый прагматизм, карнавальность, гедонистичность, «звездность» (культивирование идолопоклонства).

Одной из важных черт шоу-дискурса является доминирование визуально-чувственных компонентов над рационально-рассудочными. В этом плане дискурс шоу-политики вполне соответствует общей мировой тенденции омассовления культуры в информационном обществе, что обозначается таким термином как «тотальная визуализация». Вербальная культура или культура слова в современном символическом пространстве вытесняется видеокультурой или экранной культурой. Символическое поле значений и смыслов, формируемое с помощью экранной картинки, постоянно расширяется, вытесняя на периферию рациональные компоненты – логику, аргументацию, доказательства [147; 188; 205].

14.5. Неолиберальный дискурс

Раскрыты теоретико-доктринальные основания неолиберального дискурса, утверждается, что маркетинговая парадигма является базовым смыслообразующим ядром неолиберального дискурса.

Неолиберальный дискурс рассматривается в качестве фактора формирования новой социально-политической субъектности и новых ценностно-смысловых установок. В результате исследования стратегических установок неолиберального дискурса в области гуманитарных практик были сделаны следующие выводы: неолиберальный дискурс культивирует количественный фетишизм, лежащий в основе формирования субъекта «бухгалтерского» типа, что находит свое воплощение в доминировании рейтинговых показателей при оценке эффективности любой, в том числе интеллектуальной, деятельности; доминирование неолиберального дискурса приводит к дегуманизации и коммерциализации интеллектуальной и социальной сферы, к превращению науки, образования, здравоохранения и культуры исключительно в сферу услуг, а их продуктов – в разновидность рыночных товаров.

Выделены базовые черты неолиберальной политической элиты и ее дискурса. Отмечается, что существенной чертой неолиберальной элиты является ее политический космополитизм. Концепция космополитического государства глубоко проникла в ее сознание. Свою миссию неолиберальная элита видит не в том, чтобы служить интересам своего народа и обеспечивать суверенитет своей страны, а в том, чтобы как можно глубже интегрировать государственные институты и государственную экономику в глобальные транснациональные сети, то есть превратить на практике собственное государство и самих себя в проводников интересов глобальных корпораций. Отсюда – курс на десоверенизацию собственного государства.

Другой особенностью неолиберальной управленческой элиты, обозначаемой понятием «глобальный управленческий класс», выступает потребительский космополитизм, согласно установкам которого лучше всего жить там, где можно обеспечить себе наиболее высокий уровень потребления.

Выдвинута гипотеза о «гибридном» характере дискурса российского неолиберализма, поскольку официальный политический дискурс представляет собой некий эклектичный и противоречивый набор стратегических и ценностных установок. Отмечается, что в официальном российском дискурсе в последние годы стала обозначаться тенденция отхода от неолиберальной парадигмы в сторону новых приоритетных ценностей, в числе которых – национально-государственный суверенитет, социальная справедливость, патриотизм.

Приводится аргументация утверждению о том, что именно неолиберализм является главным сценаристом и организатором запуска глобального проекта серийных цветных революций, разработчики которого оснастили его определенным технологическим арсеналом. Проведен анализ современных технологий, применяемых неолиберальными силами в процессе организации и проведения цветных революций, дана их комплексная классификация. Сделан вывод о том, что неолиберализм как проект глобализации в последние годы постепенно утрачивает свою доминирующую позицию. Важным показателем кризиса неолиберальной политической элиты выступает ее неспособность идеологически подстроиться под новый правый тренд [187; 202; 204; 206; 207; 208; 209].

14.6. Политический медиадискурс

Утверждается, что с развитием информационной политической среды существенно увеличивается властный потенциал медиадискурса. Обладая силой виртуализации политической реальности, медиадискурс превращает политику в символический идеологический конструкт.

Основными медийными конструктами, из которых складывается виртуальная политическая реальность, выступают медиаобразы политических событий, новостей, субъектов и институтов. Далеко не каждое событие становится новостью, транслируемой СМИ. Новостной статус приобретают только те события, которые отвечают следующим дискурсным форматам: «сегодняшность» (соединение в одном и том же временном интервале события и дискурса о нем); «свежесть» (фактологическая новизна); актуальность (попадание в фокус заинтересованного внимания большой группы граждан); способность вызывать реактивный эмоциональный отклик (эффект дискурсивного «заражения»).

Современное информационное пространство – место конкуренции и борьбы агональных медиадискурсов, ведущих сражение за доминирование определенных медиаобразов. Агональный дискурс (от греч. «агон» – состязание, поединок) является господствующим в политическом пространстве в периоды избирательных кампаний и во время информационных войн.

Ключевыми структурными компонентами дискурса политического медиаобраза являются бинарные стратегии: 1) стратегия повышения аттрактивности (усиление привлекательности объектов и ценностей, увеличение значимости и статусности субъекта предпочтения); 2) стратегия отторжения (снижение имиджа и статусности противника). Основными технологиями конструирования политических медиаобразов выступают технологии фрейминга, шаблонизации, стереотипизации, мифологизации. В условиях обострения информационного противостояния в ход пускаются фейк-дискурсы и дискурсы постправды.

Дискурс постправды базируется на принципе приоритета политического интереса над доказательной базой. Рациональная аргументация уступает место

впечатлению от яркой или пугающей картинке, которая конструируется и по- ставляется медиаканалами, контролируемые политическими кураторами. Ради достижения определенной стратегической цели посредством ангажированных медиа «продавливается» представление об исключительно конфронтационном характере современных международных отношений, о грозящих катастрофах, осуществляется эскалация процесса демонизации политических противников. Логика постправды – это полное отсутствие рациональной логики, замена ее на иррациональный эмоциональный эффект с позиции принципа «цель оправдывает средства». В этой иррациональной схеме все ставится «с ног на голову», «хвост виляет собакой» [169; 178; 179; 185; 186; 192; 199].

14.7. Дискурс и семиотика города

Город как дискурс – это подвижная сложно-структурированная семиотическая система, которая включает процедуры означивания, смыслопорождения и репрезентации в знаково-символических формах городского пространства и городского образа жизни. Одной из самых существенных семиотических особенностей большого города является многоязычие, полифонизм, наличие нескольких одновременно используемых семиотических систем.

Рассмотрены черты неолиберальной модели городского дискурса. Ее основная стратегическая цель – интеграция города в глобальные торгово-промышленные, транспортные, культурно-индустриальные и иные сети с привлечением финансового капитала ТНК. Отсюда – увлечение мегапроектами. Особенностью конфигурации городской среды, предпочитаемой неолиберальной элитой, является четкое разделение городского пространства на две семиотически полярные среды: 1) «глобальный Центр» (бизнес-центр, торговый центр, арт-центр, культурно-исторический центр), включающий помпезные здания для проживания и деловой деятельности элитных слоев общества; 2) серые городские окраины, где проживают бедные горожане и мигранты.

Политические процессы и потрясения (восстания, войны, реформы, революции) постоянно отображаются в семиотике городского пространства в виде городской топонимики, создания мест памяти, закладки храмов, часовен и т. п. В ситуации несовместимости смысловых интерпретаций мест памяти предпринимаются попытки архитектурного «примирения» с травматической памятью о прошлом: воздвигаются памятники жертвам репрессий, военных преступлений, геноцида. Городское пространство также выступает как арена постоянной борьбы между стремлением к прогрессу (в строительстве, планировании, размещении, благоустройстве и т. п.) и сохранением исторического наследия [174; 197].

14.8. Теоретико-методологический анализ концепта и дискурса мягкой силы

Понятие «soft power» (мягкая сила) рассматривается как концепт политической науки и как дискурс эффективной политической коммуникации, посредством которого анализируются «мягкие» инструменты и «гибкие» факторы политического влияния в условиях глобальной конкуренции между странами. Основным инструментом soft power является имиджевая привлекательность политических субъектов и объектов. Дискурс мягкой силы – это способность государств привлекать других на свою сторону путем демонстрации своих ценностей и достижений

в разных областях жизни (культура, социальная политика, дипломатия и др.). Антитезой мягкой силы выступает жесткая сила, связанная с использованием инструментов военно-политического, экономического, санкционного и административного давления.

Соревновательный момент в сфере развития и эффективности «мягкой» силы (*soft power competition*) специально фиксируется и анализируется. При этом поднимаются четыре методологических вопроса: 1) каковы разновидности *soft power* (номенклатурный аспект); 2) каковы параметры и показатели, на основании которых можно измерять, а, следовательно, и сравнивать *soft power* разных стран; 3) насколько разнятся между собой в концептуальном и практическом планах национальные модели «мягкой» силы; 4) какие страны являются наиболее «мягкими» в реализации своей внешней и внутренней политики.

При создании национальной модели *soft power* внимание концентрируется на тех ресурсах и коммуникативных инструментах, которые содержательно и технологически вовлекаются в процесс формирования и продвижения бренда страны. К числу данных компонентов относятся, к примеру, уникальный опыт в области создания креативных и наукоемких технологий, в том числе цифровых, успешные практики экономических, политических и иных реформ, развитая инфраструктура культурного обмена, туристического сервиса.

Разработана комплексная структурная модель мягкой силы, которая претерпевает постоянное расширение, поскольку с каждым новым циклом проведения рейтинговых исследований мягкой силы большой группы стран дополняется все новыми параметрами [172; 175; 176; 181; 189; 190; 193; 194; 195; 198; 200; 203; 242].

14.9. Дискурс мобильности

Феномен мобильности рассматривается в качестве атрибутивного свойства процесса глобализации и важнейшей характеристики общества постфордистского типа. Современные теоретические портреты мобильности различаются методологической оптикой, дисциплинарными подходами и приоритетными объектами исследования. Значительное внимание в *mobility studies* уделяется антропологическим аспектам мобильных коммуникаций. Ставший очевидным такой признак современности, как ускорение социальной динамики, потребовал от обществоведов переключения на новую систему понятий, метафор, образов и концептов, способных сформировать особую исследовательскую оптику, позволяющую «схватить» все ускоряющуюся динамику общественного бытия.

Тема мобильности раскрывается посредством анализа дискурса, в основе которого лежит комплекс метафор – *метафоры передвижения* в пространствах разного рода, включая виртуальные, *метафоры путешествия*, в том числе по ментальным мирам, *метафоры сетей* и *потоков*, *метафоры хронотопа*, фиксирующие внимание на трансформациях в области восприятия пространства и времени в условиях ускорения жизни.

При анализе феномена мобильности разрабатывается *концепт подвижности*. Подвижность рассматривается как благо с медицинской, социально-адаптивной, экономической, коммуникативной и образовательной точек зрения. В современной экономической жизни гарантом коммерческого успеха выступает *маркетинговая подвижность*, которая реализуется в практиках рыночного продвижения товаров, услуг и брендов (промоушн), в расширении рыночного про-

странства, в рекламной экспансии и в поглощении конкурентов. Экономическая подвижность больших социальных систем рассматривается как условие успешного преодоления кризисных ситуаций, экономической стагнации и развития инновационности [168; 180; 183; 183; 201].

15. Трахтенберг Анна Давидовна – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН

Тематика дискурс-исследований

15.1. Проблемы освоения Интернет-дискурса

В мировой науке сформировалось новое направление – «культурно-технологические исследования». Оно возникло на пересечении теории дискурса, культурных исследований, психоанализа и социального конструкционизма и направлено на изучение того комплекса дискурсивных практик, которые формируют «мета-политику» речи о тех или иных средствах коммуникации.

В рамках культурно-технологических исследований был впервые в отечественной литературе осуществлен анализ феминистской социологии на материале феминистского анализа процессов освоения информационно-коммуникационных технологий. Был сделан вывод о том, что если первоначально для данного направления была характерна технофобия (компьютер рассматривался как инструмент дальнейшего порабощения женщины – офисного работника), которая затем сместилась восторженными ожиданиями освобождения из-под власти гендера с помощью компьютеров и Интернета, то в настоящее время мейнстримом являются исследования реальных процессов адаптации женщин к ИКТ, причем они рассматриваются в качестве активных агентов происходящих изменений. Особое внимание было уделено социальному конструированию компьютера как гендерно нейтрального объекта.

По итогам эмпирических исследований освоения населением новых коммуникационных технологий, проведенных в Свердловской области, был сделан вывод о несовпадении этатистского дискурса «электронного правительства» и постмодернистского дискурса «Интернета как места без власти» с обыденными представлениями о том, как устроена власть в Интернет-сообществах, где всегда имеет место определенная иерархия, кто ее носитель. Было также обнаружено, что чем меньше у пользователей реальный опыт компьютерно опосредованной коммуникации, тем сильнее выражено опасение, что «компьютеры захватят власть над миром» [210; 214].

15.2. Дискурс электронного правительства

Автором был проанализирован глобальный дискурс электронного правительства. Сделан вывод, что в этом дискурсе постоянно воспроизводится «риторика разрыва» с прошлым, устаревшим и неправильным состоянием. Глобальный дискурс регулярно обогащается концептами, описывающими этот разрыв: «электронное правительство», «правительство 2.0», «открытое правительство», «умное правительство», «мобильное правительство», «цифровое правительство» и т. п. Каждый концепт строится с учетом последних достижений технологического

прогресса на текущий период, однако при этом базовый тезис о кардинальной трансформации классической «веберовской» системы государственного управления под влиянием информационных технологий остается в неприкосновенности. При этом электронное правительство в дискурсивном плане выступает как воплощение общего блага, существующего поверх политических различий. Таким образом, дискурс работает по принципу «анти-политической машины», обеспечивая редукцию политических проблем, связанных с ролью государства в информационном обществе, до технических и, одновременно, легитимируя расширение и развитие системы разрешительных полномочий органов власти. На основе анализа «серой литературы» и документов государственного стратегического планирования РФ было показано, как «риторика разрыва» сохраняет устойчивость благодаря постоянному переосмыслению, дополнению и поддерживающим объяснениям. Дискурс постоянно эволюционирует как путем реструктурирования уже имеющихся элементов (таких как государственные услуги), так и путем включения новых, а также путем использования целого комплекса приемов, позволяющего обойти «парадокс неэффективности».

В то же время внедрение в процесс коммуникаций между государственными органами и гражданами дискурса электронного правительства натывается на организационное сопротивление, которое объясняется консервативностью мышления чиновников. При внедрении электронного правительства имеет место ориентация не на эффективность, а на легитимность. Внедрение новых технологий часто носит ритуальный характер.

Также были проведены исследования того, каким образом граждане осуществляют адаптацию электронного правительства и электронных услуг в повседневной жизни. Как показали исследования, проведенные в 2010–2016 гг., при взаимодействии с органами власти граждане также оперируют «составом действий» с целью добиться необходимого результата. Точнее, они конструируют «арку действий», в которую входят как традиционные, так и электронные услуги. При этом большинство пользователей видят в электронном взаимодействии дополнительный, наряду с личным обращением, а не исключительный способ взаимодействия с органами власти [32; 34; 211; 212; 213; 214; 215; 216; 217; 218; 219; 245].

16. Фан Ирина Борисовна – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права УрО РАН

Тематика дискурс-исследований

16.1. Дискурс гражданственности и патриотизма

Гражданственность является духовным источником легитимации власти в системе представительной демократии. Гражданственность включает следующие ценностные ориентации и установки: 1) доверие гражданина к обществу, готовность к социальной кооперации, сотрудничеству и партнерству; 2) доверие граждан к государству, признание разумности законов государства и политико-правового порядка, законопослушность, лояльность; 3) предпочтение общего блага личному, патриотизм и чувство справедливости.

Западноевропейский этос гражданственности – светская, или «гражданская религия», комплекс индивидуального и национального самосознания, который включает формально-рациональное и чувственно-эмоциональное восприятие гражданской нации и гражданина в качестве суверена, автономного субъекта политики, права, религии и морали. Гражданский этос немислим без исторического опыта самоорганизации, солидарности и участия граждан в функционировании институтов местного самоуправления и представительства, что присуще населению западных стран. Содержательным основанием этой «гражданской религии» выступают ценности индивидуализма, демократии, патриотизма и национального достоинства.

Гражданственность представляет собой внутренний, ментальный план института гражданства. Дискурс гражданственности выступает культурно-содержательным, идеологическим и социально-психологический механизмом объединения граждан в политическую общность, их политическим идентификатором. Его эмоционально-психологический уровень порождает чувство принадлежности и сопричастности к определенной общности, рациональный – различные формы специализированного, политического, идеологического и теоретического сознания и самосознания нации. Гражданственность – практически-духовное комплексное качество политической культуры, присущее активной части гражданской нации, которое предполагает взаимосвязь политической ментальности и политического поведения.

Этос гражданина является продуктом развития культуры. Но в немалой степени он есть и результат господствующей идеологии. Наличие альтернативных политических сил и идеологий в Новое время порождало многообразие дискурсивных форм гражданственности – либеральной, консервативной, марксистской, социал-демократической и т. д. Содержание той или иной версии этоса обусловлено его историческим «возрастом» и социокультурным контекстом.

Ценностные ориентации в составе либерального дискурса политической культуры включают: 1) когнитивные ориентации, то есть знания и веру относительно политической системы; 2) «аффективные ориентации» или чувства относительно устройства политической системы; 3) «оценочные ориентации», суждения и мнения о политических объектах, которые обычно представляют из себя комбинацию ценностных стандартов и критериев, информации и чувств. Дискурсы национального самосознания эмоционально окрашены, они включают чувство общности, идентичности гражданина и нации.

В официальном политическом дискурсе России доминирует установка на лояльность и патриотизм, комплекс демократического участия представлен, в основном, в декларативной форме. Идеологи «партии власти» сконструировали собственную модель коллективной идентичности, эклектически соединяющей идейные фрагменты коммунистической, либеральной и православно-консервативной идеологии. Акцент на «русском» (этнически, религиозно и традиционно понимаемом) продиктован стремлением уйти от политики ельцинского периода и вытеснить ценности либерально-демократического проекта реформ и представления о «гражданской» идентичности нации. Вместо последних предлагается возрождение традиций имперского прошлого и русской культуры.

В современном публичном пространстве присутствуют и иные варианты патриотического дискурса. Патриотизм с точки зрения коммунистической

идеологии – это любовь к родине, преданность своему отечеству, народу. Подлинный патриотизм – борьба за лучшее для народа и социальный прогресс, за социализм и коммунизм. Он не совместим с буржуазным национализмом и космополитизмом.

Характеристики патриотизма (ложный и настоящий, подлинный и неподлинный) могут меняться в зависимости от идеологических установок и социально-политических интересов. Первое, от чего надо отказаться при определении патриотизма, это от его абстрактного характера – внеисторического, внетекстуального, бессубъектного. Современное понимание патриотизма должно учитывать многоконфессиональный характер российского общества и светский характер российского государства. Невозможно раз и навсегда определить патриотизм. Приобретенный исторический опыт конкретного поколения вносит вклад в содержательное наполнение патриотизма. Ни одно понимание патриотизма не должно иметь монопольное право на подлинность.

В понимании патриотизма особую роль играет этнический аспект. Этнический слой в дискурсе патриотизма задает установку консервации происхождения. Этническое, связанное с бессознательным, архетипическим, содержит некое противопоставление своего этноса и чужого. Пора поставить вопрос о возможности патриотизма без бинарных этнических оппозиций. Необходимо считать допустимым множество интерпретаций патриотизма. Дискурс патриотизма включает знание, чувство и практическое осуществление связи с соотечественниками в прошлом и настоящем. Главное – связь не только с территорией, но с людьми, жившими и живущими на данной территории, с людьми, у которых есть общий исторический опыт – опыт переживаний общих достижений и утрат [222; 223].

16.2. Мобильности в обществе позднего Модерна

Важным аспектом «текучей современности» является постоянная модернизация и процессы развития мобильности и индивидуализации. Современность порождает необходимость иного человека – *homo mobilis* – и в качестве результата социальных сетей и систем мобильности, и в качестве источника, осуществляющего ежедневную комбинацию сетей собственных взаимодействий. Мобильность выступает и как механизм, и как следствие модернизации. Индивид при наличии юридической автономии обречен на постоянные поиски собственной идентичности во всех остальных смыслах, на бесконечное самоопределение, на нескончаемую мобильность. Неоднозначным следствием индивидуализации является «коррозия и постоянный распад гражданства». Еще одно следствие размывания национальной модели гражданства в условиях глобализации и под воздействием систем мобильностей – возникновение новых форм неравенства. Классическую модель национального гражданства, описанную Т. Х. Маршаллом, Дж. Урри характеризует как «гражданство покоя». В глобализирующемся обществе Дж. Урри насчитывает двенадцать режимов международных перемещений, типов коммуникации и мобильностей. Происходит развитие новых видов гражданства и идентичности, которые подтачивают национальное гражданство и национальную идентичность. Это гражданство меньшинств, гражданство потребителей, гражданство мобильности (посетителей различных мест и культур). Модель национальной идентичности уступает место универсальным моделям

сообщества членов, связанных с де-территориализированным понятием универсальных прав личности. Это движение к постнациональному гражданству. Суть данного процесса состоит в отрыве прав личности от территории и нации. В этом процессе можно найти и позитивные, и негативные следствия. К первым можно отнести универсализацию прав личности, ее независимость от конкретного государства. Однако ее автономия оборачивается беззащитностью перед глобальным порядком, невозможностью солидарных действий, интеграции с другими членами глобальной общности. Различные виды мобильности оказывают разрушающее действие на гражданское общество в национальных масштабах, пока не просматривается становление транснационального гражданского общества. Это вызывает тревогу по отношению к перспективам развития гражданства и в пассивном, и, особенно, в его активном значении – как потенциала политического участия граждан. Однако, возможно, формирование новой космополитической модели гражданства еще не закончено [220; 221].

17. Фишман Леонид Гершевич – доктор политических наук, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН

Тематика дискурс-исследований

17.1. Дискурсы «Русского мира» и бесперспективного недонационализма

Показано, что в России, как ни парадоксально, невозможен полноценный националистический дискурс, не опирающийся на советское наследие. Возможность сформировать полноценный аналог национализма в виде «советизма» все еще остается открытой. Но именно *эта* возможность как раз и блокируется элитами, ибо означает одновременно их крушение. Вместо действенного аналога национализма предлагаются химеры, разные варианты соединения несоединимого, в данном случае – разных частей советского наследия и пореформенного либерализма, православия, традиционализма, духовных скреп, национальной идеи и так далее. Разнообразным стратегиям построения заведомо неэффективных сочетаний идеологием дается карт-бланш. Такова и идея «Русского мира» – химера бесперспективного «недонационализма», которая, похоже, содержит в себе все, до чего додумались за двадцать пять лет обслуживавшие российский политический режим идеологи и политтехнологи [227].

17.2. Дискурс «победы» и бюрократическая имитация

Современная российская официальная идеология может быть охарактеризована, по большому счету, как репрезентация идеологии и дискурса победы. В данном официальном дискурсе выражается неприкрытое желание правящих элит обладать «классовой гегемонией» путем приписывания себе всех имеющихся в прошлом и настоящем достижений, или хотя бы установления «преемственности» с ними. Такое желание элит вытекает из их объективного положения – положения гоббсовского суверена, который даже искренне желая подарить обществу «идеологию примирения», не может предложить ничего, кроме некоей «идеологии вообще», главными характеристиками которой остаются абстрактные «победа» и «примирение».

Российская «идеология победы» сравнивается с оригинальной американской. Американская «идеология победы» является примером «успешной» «идеологии победы», растущей своими корнями из истории восхождения изначально буржуазного государства с периферии в центр капиталистической миросистемы. Пытаясь сформулировать свою версию «буржуазной» «идеологии победы», российский политический режим обречен на неудачу просто потому, что попытка создать «буржуазную» «идеологию победы», изначально предназначенную именно для победителей из центра, на периферии оборачивается эпигонством, банальным реваншизмом, идеологическими противоречиями и бюрократической имитацией [225; 226; 228].

17.3. Антиэкстремистский дискурс

Обосновывается точка зрения, согласно которой антиэкстремистский дискурс является прямым результатом последовательного развертывания либерального дискурса. Либеральный дискурс предрасположен рассматривать себя как «норму», а всех своих оппонентов и врагов – как «крайности». При отсутствии сильных оппонентов, как это произошло в России с начала 2000-х гг., эта предрасположенность породила антиэкстремистский дискурс. В дальнейшем, по мере изменений представлений о «норме», в рамках данного дискурса и сам либерализм начал восприниматься как «экстремистская идеология» [224].

17.4. Дискурс трансгуманизма

В ходе анализа популярного в настоящее время дискурса трансгуманизма было показано, что трансгуманизм олицетворяет собой линию «Просвещения не для всех», поскольку в нем сделан упор на тех, кто находится на острие прогресса разума, науки, технологий. Но прогресс разума, науки и технологий – не синоним прогресса человечества. Линия Просвещения, на которой находится трансгуманизм, потому и является урезанной и тупиковой, что не подразумевает наличия собственно человеческих целей.

Не имея своих собственно человеческих целей и смыслов, трансгуманизм становится вариантом мировоззрения, подходящим для мобилизации какой-то части интеллектуальных элит для достижения целей, которые, в конечном счете, определяются не ими. Но тот, кто не имеет своих человеческих и социальных целей, тот, рано или поздно, будет работать на достижение чужих [229].

18. Фурсов Кирилл Константинович – аспирант Института философии и права УрО РАН

Тематика дискурс-исследований

18.1. Дискурс мягкой, жёсткой, умной силы

Рассматривается проблема разделения дискурса мягкой, жёсткой, умной силы. Если дискурс мягкой силы выражен в использовании ключевых понятий массовых акций, то дискурс жёсткой силы заключается в применении антагонистического словаря. Дискурс умной силы соединяет стратегическое применение технологий дискурса мягкой и жёсткой силы. В событиях украинского кризиса

2014 года дискурс Евромайдана – пример дискурса мягкой силы, дискурс русского национализма – дискурс жёсткой силы. В момент включения Крыма в состав России использовался дискурс умной силы. Также даётся новое определение дискурса, которое сформулировано методом графосемантического моделирования 27 понятий [233].

18.2. Дискурс вражды в масс-медиа

Сформулировано определение дискурса вражды. Данное понятие появилось в западной политической науке под названием «hate speech». Рассмотрены агональный и аксиологический подходы к изучению дискурса масс-медиа. Изучение дискурса вражды масс-медиа опирается на теории языка вражды, образа врага, дискурса ингрупп и аутгрупп, интолерантного, конфликтного дискурса. Дискурс вражды разрушает единое политическое пространство, ведёт к отчуждению сторон и росту насилия. Современный дискурс вражды проявляется в создании сети «ботов», в троллинге, перформансе протестных движений, в карикатурных практиках. Различные ценностные стратегии и образы дискурса вражды масс-медиа выражаются в пропаганде.

Было выявлено то, что дискурс вражды определяется политическими субъектами. Особенно зависим от субъектов дискурс вражды масс-медиа. В основе этого дискурса лежит объективный фактор – идентичность социально-политической группы. Различными субъектами дискурса вражды являются интеллектуалы и эксперты. Причиной его использования является этика низкой ответственности интеллектуалов и опора на массовые политические страсти и эмоции. Было показано, что чертой дискурса вражды политических субъектов среди масс-медиа выступает массовая эмоциональная заразительность отставания собственной идентичности.

Выделены следующие черты дискурса вражды масс-медиа: иррациональность, вовлечённость в конфликт, повышенная эмоциональность, привязанность к стереотипам, шаблонам, ориентация на групповую идентичность. Рассмотрены экстенсивные и интенсивные технологии медиаманипулирования. К экстенсивной технологии относится юридическое разрешение, зависимость редакционной политики от источника финансирования. К интенсивной технологии медиаманипулирования относится использование архетипов, предрассудков и стереотипов. Масс-медийные дискурсы вражды используют технологии дегероизации и деминизации политических конкурентов. Дискурс вражды современных масс-медиа является всеохватным, затрагивает все сферы общественной жизни, включая культуру и спорт [230; 231; 232; 234; 235].

19. Яркеев Алексей Владимирович – кандидат философских наук, научный сотрудник Ижевского филиала Института философии и права УрО РАН

Тематика дискурс-исследований

19.1. Правовая дискурсивность и дискурс биополитики

Проанализирована специфика социального бытия в структурах правовой дискурсивности. Показано, что правовой дискурс понимается как один из спо-

собов существования языка. Невозможность фактического предъявления социальной целостности свидетельствует о ее бытии не «по факту» (de facto), но «по праву» (de jure). Целостность социального бытия реализуется в точке тождества права и языка. Субстанциализация и объективация языковых конструкций приводит к дуализму «язык/действительность», который «разрывает» тождество права и жизни. В результате правовая система распадается на чистое существование права, не имеющего отношения к жизни, и голую жизнь, не имеющую отношения к праву. Дискурсивное единство рассыпается на абсолютный субъект, объект и язык. Язык превращается в средство управления субъекта объектом. Правовое управление жизнью находит свое крайнее выражение в существовании концлагеря как места, в котором абсолютный правопорядок неотличим от абсолютного бесправия и беззакония. Концлагерь как предельная ситуация человеческого существования предъявляет чистое бытие языка как границы, отделяющей человека от животного. Выход за пределы языка тождественен смерти человека. Языковой поворот, выступающий условием сохранения человеческой жизни, предполагает возвращение мыслящего и говорящего субъекта в пространство правовой дискурсивности.

Показано, что в рамках дискурса биополитики сущность человеческого бытия сводится к биологическому существованию тела, вследствие чего право на жизнь начинает пониматься через необходимость удовлетворения биологических потребностей и самосохранения. Такое представление задает социальное бытие как пространство борьбы за жизнь, в рамках которой право на собственную жизнь оказывается тождественным праву на смерть другого. Обосновывается необходимость включения прав человека в политическое общество, в котором люди выступают как граждане, соучаствующие в общем деле. Из потребности обеспечивать жизнедеятельность населения рождается всеобщая медицинализация как управленческая стратегия. На стыке права и медицины конституируется судебно-правовая дискурсивность, продуцирующая фигуру «опасного индивида». Показывается парадоксальность данной фигуры, существующей на пределе как правового, так и медицинского дискурса [236; 237].

19.2. Социальное бытие в структурах позитивной и негативной дискурсивности

Презумпция опасности, закрепляемая за каждым человеком в рамках современной политики безопасности, учреждает бытие социального в состоянии чрезвычайного положения. Постоянная ориентация на террористическую угрозу оборачивается самоконституированием социальной реальности по типу террористической организации. Перманентная «война с терроризмом» утверждается в качестве принципа существования социальной реальности, упраздняя правовые границы и ставя под угрозу онтологические основания социального бытия.

Проанализирована фундаментальная для социальной онтологии проблема бытия социального зла. С позиций конструктивно-герменевтического подхода социальное зло задается в качестве способа самоопределения социального бытия, рассматриваемого в тождестве с языком и мышлением. Общество понимается как продукт самоконструирующейся социальной субъективности, самовоспроизводящейся в системе социального знания, которое разворачивается в структурах позитивной и негативной дискурсивности (социальная апологетика и социальная

критика). Утверждается, что «действительное зло» возникает в результате элиминации мыслящего субъекта из системы социального знания, «растворения» мышления в трансцендентной субъективности и нерелегируемой повседневности. Это приводит к полной объективации социального бытия, что полагается равносильным его нигилизации [238; 239; 240; 241].

В заключение отметим, что дискурсивный поворот – важная и актуальная тенденция развития современной социально-политической и гуманитарной науки. Предложенный обзор научных разработок представителей уральской школы политической дискурсологии очертил ряд основных перспективных направлений отечественных дискурс-исследований. Интерес уральских ученых к проблемам дискурсивных практик и видов дискурса неизменно растет.

Накопленный фундаментально-теоретический материал по изучению многообразных дискурсивных формаций вводит в научный оборот новые исследовательские оптики и аспекты дискурс-анализа политических процессов, институтов и социальных практик, что в итоге ведет к существенному расширению предметной области политической дискурсологии и усилению ее методологического потенциала.

1. Вахрушева Е. А. Закрытие городского пространства и политики открытого города: критический анализ // Культура открытого города: новые смыслы и практики. Материалы V Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Екатеринбург: Управление культуры Администрации города Екатеринбурга; МБОУ ВО «Екатеринбургская академия современного искусства» (институт). 2017. С. 28–31.

2. Вахрушева Е. А. Концепция идеологии во второй половине XX – начале XXI вв.: от конца идеологии к ее глобальному возвращению // Россия в поисках идеологий: трансформация ценностных регуляторов современных обществ / под ред. В.С. Мартыанова, Л.Г. Фишмана. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 144–157.

3. Вахрушева Е. А. Критика глобализации и антиглобалистские стратегии Фредрика Джеймисона // Полития. 2016. № 1 (80). С. 43–53.

4. Вахрушева Е. А. Политическая философия Фредрика Джеймисона: автореф. дис. ... канд. полит. наук.: 23.00.01 / Вахрушева Евгения Александровна. Москва, 2017. 22 с.

5. Вахрушева Е. А. Постмодернистский неомарксизм Фредрика Джеймисона // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2015. Т. 15. вып. 2. С. 86–98.

6. Вахрушева Е. А. Фредрик Джеймисон // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. 2017. М.: Издательство «Весь Мир». – 992 с. С. 737–739.

7. Грибовод Е. Г. Дискурс Soft power и медиатизация политики как коммуникативные стратегии ШОС / Е. Г. Грибовод // Soft power: теория, ресурсы, дискурс / под ред. О. Ф. Русаковой. Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2015. С. 263–276.

8. Грибовод Е. Г. Ключевые категории медиатизации как направления политического процесса // Развитие политических институтов и процессов: за-

рубежный и отечественный опыт: материалы IV Всерос. науч. – практ. конф. / [отв. ред. И. А. Ветренко]. Омск, 2013. С. 221–224.

9. Грибовод, Е.Г. Медиатизация политики как институционально-коммуникативный процесс и информационно-стратегический ресурс: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Грибовод Екатерина Григорьевна. Екатеринбург, 2017. 189 с.

10. Грибовод Е.Г. Медиатизация политики как стратегический ресурс политических коммуникаций // Наука Красноярья. 2016. № 6. С. 48–57.

11. Грибовод Е.Г. Мобильность как атрибут медиатизации политики // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2015. Вып. 2 (19). С. 75–77.

12. Грибовод Е.Г. Основные модели медиатизация политики как институционально-коммуникативного процесса // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2016. Вып. 4 (25). С. 231–237.

13. Грибовод Е.Г. Процесс медиатизации политики в странах – членах ШОС // Социум и власть. 2015. № 3. С. 39–44.

14. Грибовод Е.Г. Развитие национальных информационных инфраструктур, проектируемых в странах Шанхайской организации сотрудничества // Проблемы международного сотрудничества в рамках ШОС: сб. науч. тр. Екатеринбург, 2011. С. 180–188.

15. Грибовод Е.Г. Страны ШОС в условиях медиатизации политики // Проблемы и перспективы социокультурного и экономического взаимодействия стран – участников и наблюдателей Шанхайской организации сотрудничества: сб. ст. участников III Междунар. конф., г. Екатеринбург, 18–19 сент. 2012 г. Екатеринбург, 2012. С. 192–195.

16. Грибовод Е.Г. Феномен медиатизации как аспект современной коммуникативной практики // Россия между модернизацией и архаизацией: 1917–2017 гг.: материалы XX Всероссийской научно-практической конференции Гуманитарного университета, 11–12 апреля 2017 года: доклады / редкол.: Л. А. Закс и др.: в 2 т. Т. 1. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2017. С. 445–447.

17. Давыдов Д.А. Актуален ли социализм? О некоторых недостатках «концепций капиталистического пути к коммунизму» // Неприкосновенный запас. 2017. № 3. С. 46–59.

18. Давыдов Д.А. После капитализма: свобода от отчуждения или рентное забвение? // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2016. № 1. С. 20–32.

19. Давыдов Д.А. Смена общественно-экономической формации? Несколько слов о рентном обществе и перспективах посткапитализма // Свободная мысль. 2016. № 4. С. 19–30.

20. Давыдов Д.А. Технологии отчуждения и призрак коммунизма // Человек. 2017. № 5. С. 75–85.

21. Давыдов Д.А., Фишман Л.Г. Будущее капитализма: от литРПП к футурологии // Свободная мысль. 2015. № 3. С. 159–150.

22. Дьякова Е.Г. Массовая коммуникация и власть / Отв. ред. А.В. Гайда. Екатеринбург: УрО РАН, 2002. 278 с.

23. Дьякова Е.Г. Массовая коммуникация и власть в теории установления повестки дня // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния

Рос. акад. наук. 2002. Вып. 3. С. 144–168.

24. Дьякова Е.Г. Переход к электронному правительству в России: насколько готовы к нему граждане? // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2010. № 10. С. 117–120.

25. Дьякова Е.Г. Переход к электронному правительству: отражают ли международные рейтинги национальную специфику (США, Китай и Россия)? // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2012. Вып. 12. С. 272–284.

26. Дьякова Е.Г. Процесс перехода к электронному правительству как объект теоретического моделирования // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2010. Вып. 10. С. 204–224.

27. Дьякова Е.Г. «Электронное правительство» как элемент этатистского дискурса информационного общества // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2009. Вып. 9. С. 317–332.

28. Дьякова Е.Г. Soft power как проявление «административной моды» (на примере формирования электронного правительства в Китае) // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2014. № 4 (17). С. 45–49.

29. Дьякова Е.Г., Трахтенберг А.Д. «...И все подумали хором»: установление повестки дня и другие социальные технологии. Екатеринбург: изд-во Уральского ун-та, 2011. 253 с.

30. Дьякова Е.Г., Трахтенберг А.Д. Массовая коммуникация: модели влияния. Как формируется «повестка дня»? / Отв. ред. С.Д. Балмаева. Екатеринбург: Изд-во Гуманит. ун-та, 2001. 132 с.

31. Дьякова Е.Г., Трахтенберг А.Д. Механизмы «soft power»: как локальная административная мода становится глобальной // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2017. № 3–4 (28–29). – С. 229–237.

32. Дьякова Е.Г., Трахтенберг А.Д. Социальная адаптация информационных технологий в сфере взаимодействия граждан с органами власти: новые компетенции и акторы // Наука Красноярья 2016. № 2 (25). С. 81–100.

33. Дьякова Е.Г. Трахтенберг А.Д. Социокультурные механизмы установления повестки дня // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2001. Вып. 2. С. 166–191.

34. Дьякова Е.Г., Трахтенберг А.Д. Формирование нормативно-правовой базы электронного правительства в России: от первого цикла к третьему // Евразийский юридический журнал. 2017. № 10 (113). С. 312–315

35. Иванова Е.А. Категория пространства в концепции постмодернизма Фредрика Джеймисона // Открытый город: Стратегии развития и формы публичности: материалы всероссийской междисциплинарной научной конференции молодых ученых, Екатеринбург: Екатеринбургская академия современного искусства; Уральский федеральный университет; отв. ред. Е.И. Рабинович. Екатеринбург: Екатеринбургская академия современного искусства, 2014. С. 17–21.

36. Ильченко М.С. Городское публичное пространство в современной России: символическая логика конструирования. Опыт Екатеринбурга // Культурная память и культурная идентичность: материалы Всерос. (с международ. участием) науч. конф. молодых учёных (XI Колосницынские чтения) / Под общ. ред. Н.Б. Кирилловой. Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2016. С. 81–88.

37. Ильченко М.С. Незавершённый проект как форма восприятия советского градостроительства 1920–1930-х гг.: опыт социалистических городов // Сибирские исторические исследования. 2017. № 2. С. 56–79.

38. Ильченко М.С. Постфордизм в современном мире: новые вызовы и способы осмысления // Постфордизм: концепции, институты, практики / Под ред. М.С. Ильченко, В.С. Мартьянова. М.: Политическая энциклопедия, 2015. С. 4–17. 279 с.

39. Ильченко М.С. Постфордистские тенденции в развитии современного российского города // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19–21 октября 2016 года) [Электронный ресурс] Материалы V Всероссийского социологического конгресса / отв. ред. В. А. Мансуров. Электрон. Дан. М.: Российское общество социологов, 2016. С. 3510–3515.

40. Ильченко М.С. Риторика советского прошлого в современной российской политике // Россия в поисках идеологий: трансформация ценностных регуляторов современных обществ / под ред. В.С. Мартьянова, Л.Г. Фишмана. М.: Политическая энциклопедия, 2016. (Глава 3.4). С. 215–238.

41. Ильченко М.С. Российский мегаполис в логике постфордизма: «точка роста» или «зона неопределённости»? // Устойчивое развитие России: вызовы, риски, стратегии: материалы XIX Международной научно-практической конференции Гуманитарного университета, 12–13 апреля 2016 года: доклады / редкол.: Л. А. Закс и др.: в 2 т. Т. 1. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2016. С. 149–153.

42. Ильченко М.С. «Советское» и способы его прочтения в современном городском пространстве: символические трансформации архитектуры авангарда // Россия между модернизацией и архаизацией: 1917–2017 гг.: материалы XX Всероссийской научно-практической конференции Гуманитарного университета 11–12 апреля 2017 года: доклады / редкол. Л. А. Закс и др.: в 2 т. Т. 1. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2017. С. 131–136.

43. Ильченко М.С. Современный российский город: логика трансформации в постфордистской перспективе // Россия в условиях новой политической реальности: стратегия и методы развития. Материалы Всероссийской научной конференции РАПН, Москва, РАНХиГС при Президенте РФ, 25–26 ноября 2016 г. / Под ред. Гаман-Голутвиной О.В., Сморгунова Л.В., Тимофеевой Л.Н. М.: Изд-во «Проспект», 2016. С. 122–123.

44. Ильченко М. Уралмаш между «наследием» и «утопией»: архитектура авангарда в поисках языков описания // Неприкосновенный запас. 2017. № 4 (114). С. 215–235.

45. Исаков А.С. Агональный дискурс в исламе: шииты против суннитов // Научный журнал «Дискурс-Пи» 2015. № 1 (18). С. 37–43.

46. Исаков А.С. Агональный характер мягкой силы современной Турции // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2017. № 3–4 (28–29). С. 142–149.

47. Исаков А.С. «Арабская Весна» как источник концептуального плюрализма в политических исследованиях исламского Востока // Социум и Власть. 2016. № 4. С. 78–83.

48. Исаков А.С. Дискурс мобильности в исламе: политологический анамнез // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2015. № 2 (19). С. 57–64.

49. Исаков А.С. Дискурс адаптивности в исламе: от исламизации к рваншу // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2013. № 3. С. 83–87.
50. Исаков А.С. Дискурс исламизма // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2017. № 3–4 (28–29). С. 276–282.
51. Исаков А.С. Маликитское изменение дискурса мобильности в исламе // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2017. № 2 (27). С. 93–102.
52. Исаков А.С. От национализма к космополитизму: перформативное измерение политической доктрины Турции // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2014. № 14. С. 19–24.
53. Исаков А.С. Политическая модернизация в странах исламского Востока: концептуальный генезис // Известия Уральского Федерального Университета. Серия 3: общественные науки. 2017. № 1. С. 79–92.
54. Исаков А.С. Политический курс президента Хасана Роухани в системе фракций Исламской Республики Иран // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2017. № 1. С. 113–119.
55. Исаков А.С. Проблемы реализации демократии в современных шитских обществах / Материалы XVII Международной конференции «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования». Екатеринбург, 10–11 апреля 2014. С. 829–836.
56. Исаков А.С. Ханафитское изменение дискурса мобильности в исламе // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2016. № 3–4 С. 186–192.
57. Киселев К.В., Ляпустина М.А., Руденко В.Н. Публичные слушания в муниципальных образованиях. Екатеринбург: УрО РАН, 2007. – 151 с.
58. Ковалева (Ковба) Д.М. Гуманитарный имидж Свердловской области // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2013. № 11. С. 274–277.
59. Ковалева (Ковба) Д.М. Дискурс идентичности как инструмент soft power // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2013. № 11. С. 25–31.
60. Ковалева (Ковба) Д.М. Концепт soft power как предмет изучения современной политической науки и теоретическая основа внешнеполитических стратегий // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2013. Т. 13. Вып. 1. С. 118–132.
61. Ковба Д.М. Академическая мобильность в сфере высшего образования в контексте теории «мягкой силы» // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2016. № 3–4 (24–25). С. 181–185.
62. Ковба Д.М. Гражданское общество Китая в контексте теории «мягкой силы» // Теории и проблемы политических исследований. 2017. № 4А. С. 186–194.
63. Ковба Д.М. Дискурс и стратегия «мягкой силы в государствах Восточной Азии» // Soft power: теория, ресурсы, дискурс / под ред. О.Ф. Русаковой. Екатеринбург: Издательский дом «Дискурс-Пи», 2015. С. 44–60, С. 179–252.
64. Ковба Д.М. «Мягкая сила» в китайской политической науке и практике // XX Международная конференция памяти профессора Л.Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования», 16–18 марта 2017 г., Екатеринбург. Екатеринбург: УрФУ, 2017. С. 2002–2010.
65. Ковба Д.М. Мягкая сила образования как средство установления

культурных связей и достижения политических целей // Россия и Восток: культурные связи в прошлом и настоящем: материалы Международной научной конференции (IX Колосницинские чтения, 16–17 апреля 2014 г.). Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2014. С. 33–36.

66. Ковба Д.М. Основные подходы к исследованию «мягкой силы» в отечественной политической науке // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2017. № 1 (26). С. 143–148.

67. Ковба Д.М. Ресурсы и механизм реализации мягкой силы // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2014. № 1 (14). С. 136–139.

68. Ковба Д.М. Различия в интерпретации концепта «мягкой силы» учеными Запада и Востока // Философия. Толерантность. Глобализация. Восток и Запад – диалог мировоззрений: тезисы докладов VII Российского философского конгресса (Уфа, 6–10 октября 2015 г.). Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. Т. II. С. 330.

69. Ковба Д.М. Теоретическая и практическая адаптация концепта «мягкой силы» азиатскими государствами // Пространство и время. 2014. № 4. С. 111–118.

70. Ковба Д.М. Фактор мобильности с точки зрения теории «мягкой силы» // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2015. № 2 (19). С. 53–56.

71. Ковба Д.М., Исаков А.С. «Мягкая сила»: рецепция концепта азиатскими государствами // Известия Уральского Федерального Университета. Серия 3: общественные науки. 2018. № 3. С. 79–88.

72. Кондрашов П.Н. Анализ экзистенциальной проблематики в философии Карла Маркса // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. Екатеринбург: УрО РАН, 2014. Том 14. Вып. 3. С. 34–57.

73. Кондрашов П.Н. К вопросу о возможности построения системы экзистенциальных категорий в философии Карла Маркса // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. Екатеринбург: УрО РАН, 2015. Том 15. Вып. 3. С. 47–64.

74. Кондрашов П.Н. Концепция историчности экзистенциального бытия в философии Карла Маркса // Известия УрФУ. Серия 3. Общественные науки. 2016. № 1. С. 125–137.

75. Кондрашов П.Н. Марксистская теория повседневности: попытка предварительной экспликации // Философия и общество. 2006. № 3. С. 98–115.

76. Кондрашов П.Н. Наброски к праксеологическому истолкованию материалистического понимания истории // Альтернативы. 2017. № 2. С. 61–83.

77. Кондрашов П.Н. Онтологические структуры историчности: Исследование философии истории Карла Маркса / Под ред. К.Н. Любутина. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. 320 с.

78. Кондрашов П.Н. Онтология историчности в философии Маркса // Логос. 2011. № 2 (81). С. 82–97.

79. Кондрашов П.Н. Понятие экзистенции в философии Карла Маркса // Человек. 2016. № 2. С. 127–139.

80. Кондрашов П.Н. Постфордизм: грядущий синтез феодализма и фордизма или только моменты в экономиках глобального центра? // Социологические исследования. 2016. № 11 (390). С. 158–164.

81. Кондрашов П.Н. Проблема повседневности в философии классического марксизма. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. Екатеринбург, 2007. 164 с.

82. Кондрашов П.Н. Развертывание экзистенции из праксиса: попытка марксистской интерпретации // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2016. Т. 2. № 1. С. 75–84.

83. Кондрашов П.Н. Философия как теоретическая форма мировоззрения и экзистенциальное отношение человека к миру // Alma Mater. 2016. № 11. С. 9–12.

84. Кондрашов П.Н. Экзистенциальная категория страдания в философии Карла Маркса // Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. 2015. Том 15. Вып. № 6. С. 8–11.

85. Кондрашов П.Н. Экзистенциальные контексты философии К. Маркса // Философские науки. 2015. № 7. С. 53–67.

86. Кондрашов П.Н. Экзистенциальный модус историчности в философии Карла Маркса // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Философские науки». 2012. № 1. С. 61–68.

87. Кондрашов П.Н. Является ли постфордизм возможной экономической системой будущего? // Вестник Московской международной высшей школы бизнеса МИРБИС. 2016. № 1 (5). С. 47–51.

88. Кондрашов П.Н., Вахрушева Е.А. Наброски к истолкованию диалектики Фредрика Джеймисона // Vox. Философский журнал. 2015. № 19. С. 190–207.

89. Кондрашов П.Н., Любутин К.Н. Диалектика повседневности: Попытка марксистского анализа. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: ЛЕНАНД, 2015. 184 с.

90. Кондрашов П.Н., Любутин К.Н. Имманентное развертывание социальной историчности // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2013. Том 13. Вып. 2. С. 22–39.

91. Кондрашов П.Н., Любутин К.Н. Понятие историчности в философии К. Маркса // Философия и общество. 2012. Вып. № 4 (68). С. 5–22.

92. Кондрашов П.Н., Любутин К.Н. Философско-исторический метод К. Маркса // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2012. Вып. 12. С. 51–69.

93. Любутин К.Н., Кондрашов П.Н. Историческая феноменология бесчеловечности. Екатеринбург: УрО РАН, 2010. 246 с.

94. Любутин К.Н., Кондрашов П.Н. Историчность повседневности: от феодализма к капитализму // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2006. Вып. 6. С. 49–77.

95. Любутин К.Н., Кондрашов П.Н. Наслаждение как конститутивный принцип историчности в философии К. Маркса // Известия Уральского государственного университета. Серия «Общественные науки». 2009. № 3. С. 177–189.

96. Любутин К.Н., Кондрашов П.Н. Три модели исторического процесса в философии истории К. Маркса // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2009. № 1 (1). С. 62–73.

97. Любутин К.Н., Кондрашов П.Н. Три модели исторического процесса

в философии К. Маркса // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Философия и право. 2009. № 1. С. 31–37.

98. Мартьянов В.С. Институциональное противодействие коррупции: законодательный каркас и общественный контроль // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции: сб. тр. по итогам Всерос. науч. конф. / отв. ред. В.Н. Руденко; ред. К.В. Киселев, Е.А. Степанова, В.В. Эмих; Ин-т философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. Екатеринбург: 2014. С. 66–77.

99. Мартьянов В.С. Креативный город: урбанистическая теория неолитерализма и ее альтернативы // Социодинамика. 2016. № 7. С. 38–48.

100. Мартьянов В.С. Модернизация морально-политических и правовых регуляторов как способ противодействия коррупции // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2014. Т. 14. № 2. С. 108–142.

101. Мартьянов В.С. Наше рентное будущее: глобальные контуры общества без труда? // СОЦИС. 2017. № 5. С. 141–153.

102. Мартьянов В.С. Переосмысляя Арктику: динамика российских приоритетов // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2013. Т. 13. № 1. С. 83–96.

103. Мартьянов В.С. Политический порядок Модерна в контексте рентной трансформации капитализма // Политическая концептология. 2017. № 3. С. 53–65.

104. Мартьянов В.С. Проблема легитимации прогрессора как условие политической гегемонии // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2014. № 1 (14). С. 103–112.

105. Мартьянов В.С. Противодействие коррупции в ситуации новой российской сословности // Вестник РАН. 2017. Том 87. № 6. С. 511–519.

106. Мартьянов В.С. Рентная демократия // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2016. Т. 16. № 3. С. 41–60.

107. Мартьянов В.С. Рентно-сословная трансформация российского общества // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2016. № 5. С. 106–124.

108. Мартьянов В.С. Российский политический порядок в рентно-сословной перспективе // Полис. Политические исследования. 2016. № 4. С. 81–99.

109. Мартьянов В.С. Сети и иерархии городов в глобальном мире: модернизационный потенциал и пределы экспансии // МЭиМО. 2017. Т. 61. № 6. С. 57–66.

110. Мартьянов В.С. Социальная стратификация современных обществ: от экономических классов к рентным группам // СОЦИС. 2016. № 10. С. 139–148.

111. Мартьянов В.С. Трансформация факторов развития северных городов России: внутренние миграции и диверсификация ресурсов // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2013. Вып. 13. С. 66–73.

112. Мартьянов В.С., Панкевич Н.В., Старцев Я.Ю., Эмих В.В. Интересы мировых держав в Арктике: по результатам мониторинга ведущих СМИ // Социум и власть. 2017. № 2. С. 41–52.

113. Мартьянов В. С., Руденко В. Н. Российские мегаполисы: от промышленных городов к стратегии многофункциональных агломераций // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2012. Вып. 12. С. 316–330.

114. Моисеенко Я. Ю. Амбивалентная природа конформизма в ракурсе политической теории // Материалы XX Международной конференции «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования / редакционная коллегия: Грунт Е. В., Меренков А. В., Рыбцова Л. Л., Старшинова А. В. Екатеринбург, УрФУ, 2016.

115. Моисеенко Я. Ю. Дискурс конформизма / Научный журнал «Дискурс Пи» 2013. № 2 (12). С. 252–255.

116. Моисеенко Я. Ю. Колониальная политика в дискурсе конформизма: между «империализмом» и «Империей» // «Локус»: Люди, общества, культуры, смыслы. 2017. № 2 (28). С. 107–118.

117. Моисеенко Я. Ю. Конформизм как имманентный элемент тоталитарных, авторитарных и либерально-демократических политических режимов // Вестник Гуманитарного Университета. 2017. № 1 (16). С. 64–72.

118. Моисеенко Я. Ю. Конформизм как ценностное основание идеологии прав человека // Материалы конференции V Декабрьские чтения по правам человека «Личность, социум и мир» / под ред. О. Н. Богатырёвой. Екатеринбург, УрФУ, 2016. С. 138–145.

119. Моисеенко Я. Ю. Мобильность как фактор политической социализации индивида // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2013. № 13. С. 40–43.

120. Моисеенко Я. Ю. Мобильность как форма массового конформистского сознания / Научный журнал «Дискурс Пи». 2015. № 2 (19). С. 39–47.

121. Моисеенко Я. Ю. «Мягкая сила» конформизма и креативности в глобальном мире. // Soft power: теория, ресурсы, дискурс / под редакцией О. Ф. Русаковой. – Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2015. С. 80–94.

122. Моисеенко Я. Ю. Ресурсы и инструментарий интеллектуального колониализма: введение в теоретический анализ // Интеллектуальный колониализм на глобальном образовательном рынке: монография / Шаронова С. А. и др.; [под ред. доктора социологических наук С. А. Шароновой и кандидата философских наук Н. В. Трубниковой]. М.: РУДН, 2017. С. 33–61.

123. Моисеенко Я. Ю. Феноменология мобильности: методологический аспект // Научный журнал «Дискурс Пи». 2016. № 2 (23). С. 34–42.

124. Моисеенко Я. Ю. Феноменология smart power: кратологический аспект // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2017. № 3 (28). С. 150–155.

125. Моисеенко Я. Ю. «Homo mobilis» как антропологический тип: генезис // Труды Научного Общества КЖТ УрГУПС. Выпуск 1. Философия. Психология. Педагогика: сборник научных статей / под ред. А. С. Лунькова. Екатеринбург: Издательский Дом «Ажур», 2015. С. 20–25.

126. Мошкин С. В. Базовые принципы формирования национального парламента в федеративном государстве // Конституционализм в современной мировой и российской истории. Вторые Ельцинские чтения: материалы Международ. науч. конф. [сост. Ю. В. Запарий]. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. С. 114–120.

127. Мошкин С. В. «Внешняя политика России: «гибридная война» вместо «мягкой силы» // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2014. № 1 (14). С. 168–173.
128. Мошкин С. В. «Военные марксисты» против Троцкого // Политическая экспертиза: Политэкс. 2012. Т. 8. № 4. С. 84–99.
129. Мошкин С. В. Дипломатическая война за Черноморские проливы в 1944–1946 годах // Дискурс-Пи. Научный журнал. 2016. № 1 (22). С. 112–116.
130. Мошкин С. В. Дискуссия о «красной интервенции» // Свободная мысль. 2012. № 9–10 (1635). С. 117–128.
131. Мошкин С. В. История одной фальсификации, или что делать с городскими легендами? Казус Ефима Артамонова // Родина. 2014. № 6. С. 40–41.
132. Мошкин С. В. Закарпатье – послевоенное приобретение Сталина // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2012. Вып. 11. С. 389–407.
133. Мошкин С. В. Закарпатье – «случайное» приобретение Сталина // Свободная мысль. 2012. № 1/2 (1631). С. 145–156.
134. Мошкин С. В. Когда и где началась холодная война? // «Я должен вспомнить – это было...» К 70-летию Великой Победы: монография / отв. ред. А. А. Степанова. Днепропетровск: Акцент ПП, 2015. С. 163–171.
135. Мошкин С. В. Коррупционные зоны информационного обслуживания власти // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции: сб. тр. по итогам Всерос. науч. конф., Ин-т философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. Екатеринбург: 2014. С. 230–237.
136. Мошкин С. В. Марксово понимание сути политической деятельности // Социум и власть. 2015. № 6 (56). С. 77–81.
137. Мошкин С. В. Мотивы и источники советской модернизации // Россия между модернизацией и архаизацией: 1917–2017 гг.: материалы XX Всерос. науч. – практ. конф. Гуманитарного ун-та, 11–12 апр. 2017 г.: доклады / редкол. Л. А. Закс и др.: в 2 т. Т. 1. Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2017. С. 50–52.
138. Мошкин С. В. Нравственный императив гуманитарных интервенций // Ценности и нормы в потоке времени: материалы VI Международной научной конференции (Курган, 9–10 апреля 2015 г.) / отв. ред. Б. С. Шалютин. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2015. С. 83–85.
139. Мошкин С. В. Политическая деятельность и гражданское участие // Общая тетрадь. Вестник Московской школы гражданского просвещения. 2015. № 1 (67). С. 77–80.
140. Мошкин С. В. Политическая эволюция постсоветских стран Центральной Азии и России // Евразийство: история и современность конструкции «духовности» в стратегиях власти и этика современных повседневных практик: сб. ст. V Междунар. науч. – теор. очно-заочной конф. (Екатеринбург, 10 апреля 2015 г.) / [отв. за вып. М. В. Воробьева]. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2015. С. 40–47.
141. Мошкин С. В. Почему Хрущев передал Крым Украине? Судьбу полуострова предопределило простое хозяйственное решение // Российская газета. Ежедневное государственное издание. Официальный печатный орган Пра-

вительства Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2014/04/15/hrushev-site.html> (дата обращения: 29.10.2018).

142. Мошкин С.В. Права человека или государственный суверенитет? Затянувшиеся споры вокруг гуманитарных интервенций // Гуманитарная дипломатия: личность, социум, мир, права человека: Материалы международного конвента. 4–6 декабря 2014 года. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2015. С. 217–226.

143. Мошкин С.В. Режим имитационной демократии // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2015. № 1 (18). С. 138–143.

144. Мошкин С.В. «Священная корова» губернаторов. Медиаресурсы власти и коррупционные риски // Общая тетрадь: Вестник Московской школы политических исследований. 2014. № 1 (64). С. 39–47.

145. Мошкин С.В. СССР – Турция: дипломатическая война за проливы в 1944–1946 годах // 70-летие Великой Победы: исторический опыт и проблемы современности. Девятые уральские военно-исторические чтения. Сборник научных статей. В 2-х частях. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2015. Ч. II. С. 373–378.

146. Мошкин С.В. Уральская республика. Хроники // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2013. № 13 (2013). С. 103–107.

147. Нежданов Д.В., Русакова О.Ф. «Политический рынок» как системообразующая метафора современного политологического дискурса // Полис. 2011. № 4. С. 158–170.

148. Романова К.С. Дискурс методов и форм мягкой силы (soft power) в системах управления // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2018. № 1 (30). С. 96–103.

149. Романова К.С. Дискурсы исторической памяти // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2016. № 3 (24). С. 31–36.

150. Романова К.С. Дискурсы исторической памяти (продолжение) // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2017. № 1 (26). С. 36–42.

151. Романова К.С. Манипуляция как форма «мягкой» власти // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2015. № 1 (18). С. 131–135.

152. Романова К.С. Мифические образы и реальность в травелогe // Дискурс философского пути. Материалы круглого стола VI Российского философского конгресса. Нижний Новгород, 27–30 июня 2012 г. / Под ред. О.Ф. Русаковой. Екатеринбург: ИД «Дискурс-Пи». 2012. 128 с. С. 79–86.

153. Романова К.С. Перформанс повседневной жизни // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2014. № 1 (14) С. 15–18.

154. Романова К.С. Политические и социально-психологические дискурсы прошлого и будущего // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2013. № 12. С. 191–194.

155. Романова К.С. Свойства социального пространства и времени как факторы, определяющие мобильность личности // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2015. № 3–4 (20–21). С. 88–93.

156. Романова К.С. Травелог: движение к себе или бегство от себя? Ментальные особенности и культурное разнообразие // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2015. № 1 (18). С. 15–18.

157. Российская Арктика в поисках интегральной идентичности: колл. моногр. / отв. ред. О.Б. Подвинцев – М.: Новый хронограф, 2016. 208 с.
158. Руденко В.Н. Большие гражданские жюри в Калифорнии и их роль в противодействии коррупции // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции Сборник научных трудов по итогам Второй Всероссийской научной конференции. Екатеринбург, 2016. С. 287–307.
159. Руденко В.Н. Большое жюри как институт гражданского участия в отправлении правосудия // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2011. № 11. С. 467–488.
160. Руденко В.Н. Гражданские большие жюри как форма общественного контроля // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2017. № 2 (27). С. 22–30.
161. Руденко В.Н. Делиберативная демократия в аксиологии защиты прав человека // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2017. Т. 17. № 4. С. 115–127
162. Руденко В.Н. Демократическое верховенство права и политические режимы // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2013. Т. 13. № 4. С. 57–73.
163. Руденко В.Н. Клеротерион как выражение Афинской модели демократии // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2005. № 1 (5). С. 159–162.
164. Руденко В.Н. Quaestiones repretuae или древнеримский опыт правосудия без коррупции // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции Сборник трудов по итогам Всероссийской научной конференции. Екатеринбург, 2014. С. 443–454.
165. Руденко В.Н. Прямая демократия: модели правления, конституционно-правовые институты. Екатеринбург: УрО РАН, 2003. 474 с.
166. Руденко В.Н. Система смешанных судов в Японии // Государство и право. 2010. № 1. С. 95–102.
167. Руденко В.Н. «Чистая демократия» и ее атрибуты // Вестник Новосибирского Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2012. Т. 10. № 3. С. 120–126.
168. Русаков В.М., Русакова О.Ф. Философия мобильности в современном мире // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2015. № 2 (19). С. 10–18.
169. Русакова О.Ф. Агональность как стратегия политического медиадискурса в условиях информационной войны // Коммуникация в политике, бизнесе и образовании: материалы Международной научно-практической конференции 17–19 мая 2017 года. Научное электронное издание. М.: Издательство Московского университета, 2017. 272 с. С. 67–69.
170. Русакова О.Ф. Дискурс глэм-культуры // Научный журнал «Дискурс-Пи», 2013. № 13. С. 143–146.
171. Русакова О.Ф. Дискурс современной политической философии: становление новой концептуальной сферы // Науві записки Луганського національного університету. Серія «Філологічні науки». Дискурсологія: мова, культура, суспільство: зб. Наук. праць. Луганськ: Вид-во ДЗ «ЛНУ імені Тараса Шевченка», 2013. С. 56–71.

172. Русакова О. Ф. Дискурс soft power во внешней политике // Вестник ЮУрГУ, № 32 (291). Серия «Социально-гуманитарные науки». 2012. Вып. 19. С. 118–121.

173. Русакова О. Ф. Коммуникативные стратегии перформативного дискурса // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2014. № 1 (14). С. 12–14.

174. Русакова О. Ф. Концепт и стратегия креативного города // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2013. № 13. С. 78–82.

175. Русакова О. Ф. Концепт «мягкой силы» (Soft Power) в современной политической философии // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2010. Выпуск 10. С. 203–229.

176. Русакова О. Ф. Концепт smart power как теоретическое основание политической стратегии // Soft power: теория, ресурсы, дискурс / под ред. О. Ф. Русаковой. Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2015. С. 33–43.

177. Русакова О. Ф. Медиадискурс как инструмент конструирования политической реальности // Масс-медиа и массовые коммуникации: статус научных и учебных дисциплин: Первый международный научный коллоквиум. Белгород, БелГУ, 26–27 сентября 2013. Сборник научных работ. – Белгород: ИПЦ «ПОЛТЕРРА», 2013. С. 95–99.

178. Русакова О. Ф. Медиадискурс как концепт дисциплины «политическая коммуникативистика» // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Гуманитарные науки. 2013. № 27 (170). Вып. 20. Библиогр. С. 159–160.

179. Русакова О. Ф. Кратологическая модель дискурса соблазна // Известия Уральского государственного университета. Серия 3. Общественные науки. 2011. № 4 (97). С. 135–144.

180. Русакова О. Ф. Метафорика и концептосфера дискурса мобильности // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2013. Вып. 13. С. 19–25.

181. Русакова О. Ф. Методологические проблемы категориального и инструментального анализа soft power // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2014. № 1 (14). С. 68–74.

182. Русакова О. Ф. Мобильность как инструмент политической коммуникации // Материалы XVII Международной конференции «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования. Памяти профессора Л. Н. Когана /редакционная коллегия: Грунт Е. В., Кораблева Г. Б., Комлева Н. А. и др. Екатеринбург: УрФУ, 2014. С. 881–892.

183. Русакова О. Ф. Парадигма мобильности в дискурсе гуманитарных исследований // Стилистика сегодня и завтра: материалы IV Международной научной конференции. М.: Ф-т журн. МГУ, 2016. 639 с. С. 501–503.

184. Русакова О. Ф. Перформативный поворот в политической коммуникативистике // VI Всероссийский конгресс политологов «Россия в глобальном мире: Институты и стратегии политического взаимодействия». Материалы. Москва, 22–24 ноября 2012. М.: Российская ассоциация политической науки, 2012. С. 402–403.

185. Русакова О. Ф. Политическая власть медиадискурса // Современные информационно-психологические войны в политическом пространстве России: коммуникативные, геополитические и этнокультурные тенденции. Материалы

Всероссийской научно-практической конференции и круглого стола (с международным участием). Екатеринбург, 13–16 сентября 2010 года. Екатеринбург, ГОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет», 2010. С. 145–153.

186. Русакова О.Ф. Политический медиадискурс: опыт структурного анализа // Взаимодействие языков и культур: материалы Международной научной конференции, 28–30 мая 2018 г. / под ред. О.А. Турбиной. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2018. Т. 1. С. 237–240.

187. Русакова О.Ф. Презентационный дискурс // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2013. № 13. С. 141–143.

188. Русакова О.Ф. Шоу-политика: особенности дискурса // Социум и власть. Социум и власть. 2009. № 4 (24). С. 36–39.

189. Русакова О.Ф. Soft power как стратегический ресурс и инструмент формирования государственного бренда: опыт стран Азии // Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки. 2013. № 3 (118). С. 52–61.

190. Русакова О.Ф., Бочаров А.В., Грибовод Е.Г. Концептуальные основания стратегии цветной революции: теории soft power, управляемого хаоса и медиатизации политики // Социум и власть. 2014. № 4. С. 42–47.

191. Русакова О.Ф., Грибовод Е.Г. Политический медиадискурс и медиатизация политики как концепты политической коммуникативистики // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2014. Т. 14. Вып. 4. С. 65–77.

192. Русакова О.Ф., Квятковский К.О. Основные методологические подходы к исследованиям дискурса политической блогосферы // Социум и власть. 2011. № 3 (31). С. 70–74.

193. Русакова О.Ф., Ковалева (Ковба) Д.М. «Мягкая сила» и «умная власть»: концептуальный анализ // Социум и власть. 2013. № 3. С. 118–132.

194. Русакова О.Ф., Ковба Д.М. Стратегические модели «мягкой силы» стран восточноазиатского региона // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2016. № 2. С. 14–29.

195. Русакова О.Ф., Корнеева В.А. Спорт как сфера применения «мягкой» и «жесткой» сил политического влияния // Теории и проблемы политических исследований. 2016. № 5. С. 206–218.

196. Русакова О.Ф., Моисеенко Я.Ю. Современная политическая теория/философия в зеркале исследования Мэтью Дж. Мура // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2013. Т. 13. Вып. 4. С. 18–31.

197. Русакова О.Ф., Русаков В.М. Город как пространство исторической памяти // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2017. № 1 (26). С. 22–35.

198. Русакова О.Ф., Русаков В.М. Дискурсы и концепты «Мягкого влияния» в современном гуманитарном знании // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2012. Т. 10, вып. 3. С. 161–167.

199. Русакова О.Ф., Русаков В.М. «Мягкая сила» дискурса политических медиаобразов: анализ стратегических эффектов // Известия УрФУ. Серия 3. Общественные науки. 2017. Том 12. № 1 (161). С. 53–67.

200. Русакова О.Ф., Русаков В.М. «Мягкая сила» как инструмент политической коммуникации и гуманитарной дипломатии // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2017. № 1 (26). С. 61–72.
201. Русакова О.Ф., Русаков В.М. Парадигма мобильности в современном политическом медиадискурсе // Вопросы политологии. 2016. № 4 (24). С. 79–87.
202. Русакова О.Ф., Русаков В.М. Правый поворот в современном политическом дискурсе и кризис неолиберализма // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2016. № 3. С. 13–22.
203. Русакова О.Ф., Русаков В.М. Реализация технологий «мягкой силы» во внешней политике России // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2014. № 2–3 (15–16). С. 58–65.
204. Русакова О.Ф., Кочнева Е.Д. Оценки Октябрьской революции в официальном дискурсе политики памяти // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2017. № 3–4 (28–29). С. 17–30.
205. Русакова О.Ф., Русаков В.М. PR-дискурс: Теоретико-методологический анализ. – 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург: УрО РАН, ИД «Дискурс-Пи». 2011. 336 с. С. 170–179.
206. Русакова О.Ф., Хмелинин А.А. Глобальная стратегия неолиберальных трансформаций: критический анализ // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2015. № 2 (19). С. 91–101.
207. Русакова О.Ф., Хмелинин А.А. Идеологическая мобильность современного неолиберализма // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2013. № 13. С. 88–92.
208. Русакова О.Ф., Хмелинин А.А. Неолиберальный дискурс: стратегии и технологии конструирования новой субъектности // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2012. Вып. 12. С. 259–271.
209. Русакова О.Ф., Хмелинин А.А. Проблема критического анализа неолиберализма в современной политической философии // Социум и власть. 2014. № 2 (46). С. 41–48.
210. Трахтенберг А.Д. В поисках утраченной альтернативы: Интернет как объект анализа в восходящих к Ж. Лакану теориях медиа-дискурса // Известия УрГУ. № 1. 2010. С. 28–38.
211. Трахтенберг А.Д. «Вещи, которые недоступны были ранее»: компьютеры и Интернет в структурах повседневности // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2009. Вып. 9. С. 333–353.
212. Трахтенберг А.Д. Интернет и возрождение «публичной сферы»: хабермасианский идеал и реальность Рунета // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2007. Вып. 7. С. 224–230.
213. Трахтенберг А.Д. Интернет как возвышенный объект идеологии в антикапиталистической риторике // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2008. Вып. 8. С. 242–256.
214. Трахтенберг А.Д. Информационная революция в зеркале обыденного сознания: компьютеры и Интернет в дискурсе повседневности // Социум. 2009. № 4. С. 14–19.
215. Трахтенберг А.Д. «Компьютеры на Россию как ушат воды вылили»:

информационно-коммуникационные технологии глазами пожилых людей // Научно-практический альманах «Дискурс-Пи». 2010. № 10. С. 117–120.

216. Трахтенберг А.Д. Электронное правительство: состоится ли «изобретение государства заново»? // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2011. Вып. 11. С. 285–297.

217. Трахтенберг А.Д. Электронное правительство: технократическая утопия или востребованная структура? // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2011. Вып. 11. С. 253–269.

218. Трахтенберг А.Д. Электронное правительство и электронные услуги: операционализация административной идеологии и тактики граждан // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2016. Т. 16. № 2. С. 63–79.

219. Трахтенберг А.Д. «Электронное правительство» как идеологический конструкт: как работает риторика разрыва? // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2017. Т. 17. № 2. С. 41–58.

220. Фан И.Б. Дискурс мобильности в обществе позднего Модерна // XIX международная конференция памяти профессора Л.Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования» / ред. коллегия: Грунт Е.В., Меренков А.В., Рыбцова Л.Л., Старшинова А.В.: Материалы конф., 17–18 марта 2016 г. Екатеринбург: УрФУ. С. 895–903.

221. Фан И.Б. Дискурс мобильности и проблематизация модели национального гражданства // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2015. № 2 (19). С. 24–29.

222. Фан И.Б. Дискурс патриотизма: от многообразия к монополии // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2013. № 11–12. С. 147–153.

223. Фан И.Б. Либеральный дискурс гражданственности // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2017. № 2 (27). С. 170–173.

224. Фишман Л. Антиэкстремистский дискурс – взбесившийся либерализм? // Свободная мысль. 2016. № 4. С. 39–48.

225. Фишман Л.Г. Идеология и победа // Полития. 2015. № 3. С. 111–119.

226. Фишман Л. «Идеология победы» и её имитация или Почему Россия не Америка // Левая политика. 2016. № 25–26. С. 132–141.

227. Фишман Л. О «русском мире» и бесперспективности «недонационализма» // Неприкосновенный запас. 2015. № 1. С. 261–268.

228. Фишман Л.Г. Получилось как всегда. Идеологические потребности российской элиты: спрос и предложение // Политическая концептология. 2017. № 1. С. 125–135.

229. Фишман Л.Г. Трансгуманизм – тупиковая ветвь Просвещения? // Постчеловек и Постчеловечество: Будущее цивилизации или её конец? (Круглый стол) / Хоружий С.С., Фишман Л.Г., Комлева Н.А., Манойло А.В., Багдасарян В.Э., Радиков И.В., Федорченко С.Н., Абрамов А.В. // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2016. № 3. С. 23–33.

230. Фурсов К.К. Дискурс вражды: понятие и современные практики // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2015. № 1 (18). С. 25–30.

231. Фурсов К.К. «Дискурс вражды» масс-медиа: современные тенденции. // Новая наука: опыт, традиции, инновации. 2017. № 5–2. С. 23–27.
232. Фурсов К.К. Категория вражды в политических исследованиях: дискурсивный аспект // Философия. Толерантность. Глобализация. Восток и Запад – диалог мировоззрений: тезисы докладов VII Российского философского конгресса. Т. 2. С. 353–354.
233. Фурсов К.К. «Мягкая», «жесткая» и «умная» сила в политическом дискурсе международного кризиса вокруг Украины // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2014. № 2–3 (15–16). С. 129–133.
234. Фурсов К.К. Проявление дискурса вражды в жанре автобиографии в рамках процесса вертикальной политической мобильности // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2015. № 2 (19). С. 47–52.
235. Фурсов К.К. Субъекты политического «дискурса вражды» в пространстве масс-медиа. // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2017. № 2 (27). С. 146–153.
236. Яркеев А. Бытие прав человека в дискурсе биополитики // Евразийский юридический журнал. 2017. № 11 (114). С. 451–453.
237. Яркеев А. Бытие социального в поле правовой дискурсивности // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 26. № 3. С. 14–21.
238. Яркеев А. Зло как способ самоопределения социального бытия в структурах позитивной и негативной дискурсивности // Вестник Удмуртского университета. 2014. № 3–4. С. 25–30.
239. Яркеев А. Конструирование дискурса социальной онтологии в структурах негативности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 11–1. С. 213–215.
240. Яркеев А. Самоконституирование социальной реальности в дискурсе терроризма // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 10. С. 211–212.
241. Яркеев А. Социальное конструирование «опасного индивида» в судебно-медицинском дискурсе // Евразийский юридический журнал. 2016. № 9 (100). С. 401–403.
242. Soft power: теория, ресурсы, дискурс / под ред. О.Ф. Русаковой – Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2015. 376 с.
243. Ilchenko M. Avant-Garde Architecture in Search for the New Languages of Description // Autoportret. Pismo o Dobrej Przestrzeni. № 2 (53). 2016. С. 74–79.
244. Ilchenko M. Utopian spaces: Symbolic transformation of the “Socialist Cities” under post-Soviet conditions // Re-Imagining the City: Municipality and Urbanity Today from a Sociological Perspective», Ed. by M. Smagacz-Poziemska, K. Frysztacki, A. Bukowski. Jagiellonian University Press, 2017. С. 32–52.
245. Trakhtenberg A.D. Electronic State Services from the Government’s and Citizens’ Standpoint // Proceedings of the 2015 2nd International Conference on Electronic Governance and Open Society: Challenges in Eurasia St. Petersburg, Russian Federation – November 24–25, 2015.

References

1. Vaxrusheva E.A. Zakrytie gorodskogo prostranstva i politiki otkrytogo goroda: kriticheskij analiz // Kul'tura otkrytogo goroda: novye smysly i praktiki. Materialy V Vserossijskoj (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchno-prakticheskoy konferencii studentov, aspirantov i molodyx uchenyx. Ekaterinburg: Upravlenie kul'tury Administracii goroda Ekaterinburga; MBOU VO «Ekaterinburgskaya akademiya sovremennogo iskusstva» (institut). 2017. S. 28–31.
2. Vaxrusheva E.A. Koncepciya ideologii vo vtoroj polovine XX – nachale XXI vv.: ot konca ideologii k ee global'nomu vozvrashheniyu // Rossiya v poiskax ideologij: transformaciya cennostnyx reguljatorov sovremennyx obshhestv / pod red. V.S. Mart'yanova, L.G. Fishmana. M.: Politicheskaya e'nciklopediya, 2016. S. 144–157.
3. Vaxrusheva E.A. Kritika globalizacii i antiglobalistskie strategii Fredrika Dzhejmisona // Politiya. 2016. № 1 (80). S. 43–53.
4. Vaxrusheva E.A. Politicheskaya filosofiya Fredrika Dzhejmisona: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk.: 23.00.01 / Vaxrusheva Evgeniya Aleksandrovna. Moskva, 2017. 22 s.
5. Vaxrusheva E.A. Postmodernistskij neomarksizm Fredrika Dzhejmisona // Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk. 2015. T. 15. vyp. 2. S. 86–98.
6. Vaxrusheva E.A. Fredrik Dzhejmison // Identichnost': Lichnost', obshhestvo, politika. E'nciklopedicheskoe izdanie. 2017. M.: Izdatel'stvo «Ves' Mir». – 992 s. S. 737–739.
7. Gribovod E.G. Diskurs Soft power i mediatizaciya politiki kak kommunikativnye strategii ShOS / E.G. Gribovod // Soft power: teoriya, resursy, diskurs / pod red. O.F. Rusakovej. Ekaterinburg: Izdatel'skij Dom «Diskurs-Pi», 2015. S. 263–276.
8. Gribovod E.G. Klyucheveye kategorii mediatizacii kak napravleniya politicheskogo processa // Razvitie politicheskix institutov i processov: zarubezhnyj i otechestvennyj opyt: materialy IV Vseros. nauch. – prakt. konf. / [otv. red. I.A. Vetrenko]. Omsk, 2013. S. 221–224.
9. Gribovod, E.G. Mediatizaciya politiki kak institucional'no-kommunikativnyj process i informacionno-strategicheskij resurs: dis. ... kand. polit. nauk: 23.00.02 / Gribovod Ekaterina Grigor'evna. Ekaterinburg, 2017. 189 s.
10. Gribovod E.G. Mediatizaciya politiki kak strategicheskij resurs politicheskix kommunikacij // Nauka Krasnoyar'ya. 2016. № 6. S. 48–57.
11. Gribovod E.G. Mobil'nost' kak atribut mediatizacii politiki // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2015. Vyp. 2 (19). S. 75–77.
12. Gribovod E.G. Osnovnye modeli mediatizacii politiki kak institucional'no-kommunikativnogo processa // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2016. Vyp. 4 (25). S. 231–237.
13. Gribovod E.G. Process mediatizacii politiki v stranax – chlenax ShOS // Socium i vlast'. 2015. № 3. S. 39–44.
14. Gribovod E.G. Razvitie nacional'nyx informacionnyx infrastruktur, proektiruemyx v stranax Shanxajskoj organizacii sotrudnichestva // Problemy

mezhdunarodnogo sotrudnichestva v ramkax ShOS: sb. nauch. tr. Ekaterinburg, 2011. S. 180–188.

15. Gribovod E.G. Strany ShOS v usloviyax mediatizacii politiki // Problemy i perspektivy sociokul'turnogo i e'konomicheskogo vzaimodejstviya stran – uchastnikov i nablyudatelej Shanxajskoj organizacii sotrudnichestva: sb. st. uchastnikov III Mezhdunar. konf., g. Ekaterinburg, 18–19 sent. 2012 g. Ekaterinburg, 2012. S. 192–195.

16. Gribovod E.G. Fenomen mediatizacii kak aspekt sovremennoj kommunikativnoj praktiki // Rossiya mezhdru modernizaciej i arxaizaciej: 1917–2017 gg.: materialy XX Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii Gumanitarnogo universiteta, 11–12 aprelya 2017 goda: doklady / redkol.: L. A. Zaks i dr.: v 2 t. T. 1. Ekaterinburg: Gumanitarnyj universitet, 2017. S. 445–447.

17. Davydov D. A. Aktualen li socializm? O nekotoryx nedostatках «koncepcij kapitalisticheskogo puti k kommunizmu» // Neprikosnovennyj zapas. 2017. № 3. S. 46–59.

18. Davydov D. A. Posle kapitalizma: svoboda ot otchuzhdeniya ili rentnoe zabvenie? // Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk. 2016. № 1. S. 20–32.

19. Davydov D. A. Smena obshhestvenno-e'konomicheskoy formacii? Neskol'ko slov o rentnom obshhestve i perspektivax postkapitalizma // Svobodnaya mysl'. 2016. № 4. S. 19–30.

20. Davydov D. A. Texnologii otchuzhdeniya i prizrak kommunizma // Chelovek. 2017. № 5. S. 75–85.

21. Davydov D. A., Fishman L. G. Budushhee kapitalizma: ot litRPG k futurologii // Svobodnaya mysl'. 2015. № 3. S. 159–150.

22. D'yakova E. G. Massovaya kommunikaciya i vlast' / Otv. red. A. V. Gajda. Ekaterinburg: UrO RAN, 2002. 278 s.

23. D'yakova E. G. Massovaya kommunikaciya i vlast' v teorii ustanovleniya povestki dnya // Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk. 2002. Vyp. 3. S. 144–168.

24. D'yakova E. G. Perexod k e'lektronnomu pravitel'stvu v Rossii: naskol'ko gotovy k nemu grazhdane? // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2010. № 10. S. 117–120.

25. D'yakova E. G. Perexod k e'lektronnomu pravitel'stvu: otrazhayut li mezhdunarodnye rejtingi nacional'nuyu specifiku (SShA, Kitaj i Rossiya)? // Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk. 2012. Vyp. 12. S. 272–284.

26. D'yakova E. G. Process perexoda k e'lektronnomu pravitel'stvu kak ob'ekt teoreticheskogo modelirovaniya // Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk. 2010. Vyp. 10. S. 204–224.

27. D'yakova E. G. «E'lektronnoe pravitel'stvo» kak e'lement e'tatistskogo diskursa informacionnogo obshhestva // Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk. 2009. Vyp. 9. S. 317–332.

28. D'yakova E. G. Soft power kak proyavlenie «administrativnoj mody» (na primere formirovaniya e'lektronnogo pravitel'stva v Kitae) // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2014. № 4 (17). S. 45–49.

29. D'yakova E. G., Traxtenberg A. D. «...I vse podumali xorom»: ustanovlenie povestki dnya i drugie social'nye texnologii. Ekaterinburg: izd-vo Ural'skogo un-ta, 2011. 253 s.

30. D'yakova E. G., Traxtenberg A. D. Massovaya kommunikaciya: modeli vliyaniya. Kak formiruetsya «povestka dnya»? / Otv. red. S. D. Balmaeva. Ekaterinburg: Izd-vo Gumanit. un-ta, 2001. 132 s.

31. D'yakova E. G., Traxtenberg A. D. Mexanizmy «soft power»: kak lokal'naya administrativnaya moda stanovitsya global'noj // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2017. № 3–4 (28–29). – S. 229–237.

32. D'yakova E. G., Traxtenberg A. D. Social'naya adaptaciya informacionnyx texnologij v sfere vzaimodejstviya grazhdan s organami vlasti: novye kompetencii i aktory // Nauka Krasnoyar'ya 2016. № 2 (25). S. 81–100.

33. D'yakova E. G., Traxtenberg A. D. Sociokul'turnye mexanizmy ustanovleniya povestki dnya // Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk. 2001. Vyp. 2. S. 166–191.

34. D'yakova E. G., Traxtenberg A. D. Formirovanie normativno-pravovoj bazy e'lektronno go pravitel'stva v Rossii: ot pervogo cikla k tret'emu // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2017. № 10 (113). S. 312–315

35. Ivanova E. A. Kategoriya prostranstva v koncepcii postmodernizma Fredrika Dzhejmisona // Otkrytyj gorod: Strategii razvitiya i formy publichnosti: materialy vserossijskoj mezhdisciplinarnoj nauchnoj konferencii molodyx uchenyx, Ekaterinburg: Ekaterinburgskaya akademiya sovremennogo iskusstva; Ural'skij federal'nyj universitet; otv. red. E. I. Rabinovich. Ekaterinburg: Ekaterinburgskaya akademiya sovremennogo iskusstva, 2014. S. 17–21.

36. Il'chenko M. S. Gorodskoe publichnoe prostranstvo v sovremennoj Rossii: simvolicheskaya logika konstruirovaniya. Opyt Ekaterinburga // Kul'turnaya pamyat' i kul'turnaya identichnost': materialy Vseros. (s mezhdunarod. uchastiem) nauch. konf. molodyx uchyonyx (XI Kolosnicynskie chteniya) / Pod obshh. red. N. B. Kirillovoj. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. Un-ta, 2016. S. 81–88.

37. Il'chenko M. S. Nezavershyonnyj proekt kak forma vospriyatiya sovetskogo gradostroitel'stva 1920–1930-x gg.: opyt socialisticheskix gorodov // Sibirskie istoricheskie issledovaniya. 2017. № 2. S. 56–79.

38. Il'chenko M. S. Postfordizm v sovremennom mire: novye vyzovy i sposoby osmysleniya // Postfordizm: koncepcii, instituty, praktiki / Pod red. M. S. Il'chenko, V. S. Mart'yanova. M.: Politicheskaya e'nciklopediya, 2015. S. 4–17. 279 s.

39. Il'chenko M. S. Postfordistskie tendencii v razvitii sovremennogo rossijskogo goroda // Sociologiya i obshhestvo: social'noe neravenstvo i social'naya spravedlivost' (Ekaterinburg, 19–21 oktyabrya 2016 goda) [E'lektronnyj resurs] Materialy V Vserossijskogo sociologicheskogo kongressa / otv. red. V. A. Mansurov. E'lektron. Dan. M.: Rossijskoe obshhestvo sociologov, 2016. S. 3510–3515.

40. Il'chenko M. S. Ritorika sovetskogo proshlogo v sovremennoj rossijskoj politike // Rossiya v poiskax ideologij: transformaciya cennostnyx regulyatorov sovremennyx obshhestv / pod red. V. S. Mart'yanova, L. G. Fishmana. M.: Politicheskaya e'nciklopediya, 2016. (Glava 3.4). S. 215–238.

41. Il'chenko M. S. Rossijskij megapolis v logike postfordizma: «tochka rosta» ili «zona neopredelyonnosti»? // Ustojchivoe razvitie Rossii: vyzovy, riski, strategii:

materialy XIX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii Gumanitarnogo universiteta, 12–13 aprelya 2016 goda: doklady / redkol.: L.A. Zaks i dr.: v 2 t. T. 1. Ekaterinburg: Gumanitarnyj universitet, 2016. S. 149–153.

42. Il'chenko M.S. «Sovetskoe» i sposoby ego prochteniya v sovremennom gorodskom prostranstve: simvolicheskie transformacii arxitektury avangarda // Rossiya mezhdru modernizaciej i arxaizaciej: 1917–2017 gg.: materialy XX Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii Gumanitarnogo universiteta 11–12 aprelya 2017 goda: doklady / redkol. L.A. Zaks i dr.: v 2 t. T. 1. Ekaterinburg: Gumanitarnyj universitet, 2017. S. 131–136.

43. Il'chenko M.S. Sovremennyy rossijskij gorod: logika transformacii v postfordistskoj perspektive // Rossiya v usloviyax novej politicheskoy real'nosti: strategiya i metody razvitiya. Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii RAPN, Moskva, RANXiGS pri Prezidente RF, 25–26 noyabrya 2016 g. / Pod red. Gaman-Golutvinoj O.V., Smorgunova L.V., Timofeevoj L.N. M.: Izd-vo «Prospekt», 2016. S. 122–123.

44. Il'chenko M. Uralmash mezhdru «naslediem» i «utopiej»: arxitektura avangarda v poiskax yazykov opisaniya // Neprikosnovennyj zapas. 2017. № 4 (114). S. 215–235.

45. Isakov A.S. Agonal'nyj diskurs v islame: shiity protiv sunnitov // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi» 2015. № 1 (18). S. 37–43.

46. Isakov A.S. Agonal'nyj xarakter myagkoj sily sovremennoj Turcii // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2017. № 3–4 (28–29). S. 142–149.

47. Isakov A.S. «Arabskaya Vesna» kak istochnik konceptual'nogo plyuralizma v politicheskix issledovaniyax islamskogo Vostoka // Socium i Vlast'. 2016. № 4. S. 78–83.

48. Isakov A.S. Diskurs mobil'nosti v islame: politologicheskij anamnez // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2015. № 2 (19). S. 57–64.

49. Isakov A.S. Diskurs adaptivnosti v islame: ot islamizacii k revanshu // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2013. № 3. S. 83–87.

50. Isakov A.S. Diskurs islamizma // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2017. № 3–4 (28–29). S. 276–282.

51. Isakov A.S. Malikitskoe izmenenie diskursa mobil'nosti v islame // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2017. № 2 (27). S. 93–102.

52. Isakov A.S. Ot nacionalizma k kosmopolitizmu: performativnoe izmerenie politicheskoy doktriny Turcii // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2014. № 14. S. 19–24.

53. Isakov A.S. Politicheskaya modernizaciya v stranax islamskogo Vostoka: konceptual'nyj genezis // Izvestiya Ural'skogo Federal'nogo Universiteta. Seriya 3: obshhestvennye nauki. 2017. № 1. S. 79–92.

54. Isakov A.S. Politicheskij kurs prezidenta Xasana Rouxani v sisteme frakcij Islamskoj Respubliki Iran // Kaspijskij region: politika, e'konomika, kul'tura. 2017. № 1. S. 113–119.

55. Isakov A.S. Problemy realizacii demokracji v sovremennyx shiitskix obshhestvax / Materialy XVII Mezhdunarodnoj konferencii «Kul'tura, lichnost', obshhestvo v sovremennom mire: metodologiya, opyt e'mpiricheskogo issledovaniya». Ekaterinburg, 10–11 aprelya 2014. S. 829–836.

56. Isakov A.S. Xanafitskoe izmenenie diskursa mobil'nosti v islame // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2016. № 3–4 S. 186–192.
57. Kiselev K.V., Lyapustina M.A., Rudenko V.N. Publichnye slushaniya v municipal'nyx obrazovaniyax. Ekaterinburg: UrO RAN, 2007. – 151 s.
58. Kovaleva (Kovba) D.M. Gumanitarnyj imidzh Sverdlovskoj oblasti // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2013. № 11. С. 274–277.
59. Kovaleva (Kovba) D.M. Diskurs identichnosti kak instrument soft power // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2013. № 11. С. 25–31.
60. Kovaleva (Kovba) D.M. Koncept soft power kak predmet izucheniya sovremennoj politicheskoy nauki i teoreticheskaya osnova vneshnepoliticheskix strategij // Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk. 2013. T. 13. Vyp. 1. С. 118–132.
61. Kovba D.M. Akademicheskaya mobil'nost' v sfere vysshego obrazovaniya v kontekste teorii «myagkoj sily» // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2016. № 3–4 (24–25). S. 181–185.
62. Kovba D.M. Grazhdanskoe obshhestvo Kitaya v kontekste teorii «myagkoj sily» // Teorii i problemy politicheskix issledovanij. 2017. № 4A. S. 186–194.
63. Kovba D.M. Diskurs i strategiya «myagkoj sily v gosudarstvax Vostochnoj Azii» // Soft power: teoriya, resursy, diskurs / pod red. O.F. Rusakovoj. Ekaterinburg: Izdatel'skij dom «Diskurs-Pi», 2015. S. 44–60, S. 179–252.
64. Kovba D.M. «Myagkaya sila» v kitajskoj politicheskoy nauke i praktike // XX Mezhdunarodnaya konferenciya pamyati professora L.N. Kogana «Kul'tura, lichnost', obshhestvo v sovremennom mire: Metodologiya, opyt e'mpiricheskogo issledovaniya», 16–18 marta 2017 g., Ekaterinburg. Ekaterinburg: UrFU, 2017. S. 2002–2010.
65. Kovba D.M. Myagkaya sila obrazovaniya kak sredstvo ustanovleniya kul'turnyx svyazej i dostizheniya politicheskix celej // Rossiya i Vostok: kul'turnye svyazi v proshlom i nastoyashhem: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (IX Kolosnicynskie chteniya, 16–17 aprelya 2014 g.). Ekaterinburg: Gumanitarnyj universitet, 2014. S. 33–36.
66. Kovba D.M. Osnovnye podxody k issledovaniyu «myagkoj sily» v otechestvennoj politicheskoy nauke // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2017. № 1 (26). S. 143–148.
67. Kovba D.M. Resursy i mexanizm realizacii myagkoj sily // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2014. № 1 (14). S. 136–139.
68. Kovba D.M. Razlichiya v interpretacii koncepta «myagkoj sily» uchenymi Zapada i Vostoka // Filosofiya. Tolerantnost'. Globalizaciya. Vostok i Zapad – dialog mirovozzrenij: tezisy dokladov VII Rossijskogo filosofskogo kongressa (Ufa, 6–10 oktyabrya 2015 g.). Ufa: RIC BashGU, 2015. T. II. S. 330.
69. Kovba D.M. Teoreticheskaya i prakticheskaya adaptaciya koncepta «myagkoj sily» aziatskimi gosudarstvami // Prostranstvo i vremya. 2014. № 4. S. 111–118.
70. Kovba D.M. Faktor mobil'nosti s tochki zreniya teorii «myagkoj sily» // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2015. № 2 (19). S. 53–56.
71. Kovba D.M., Isakov A.S. «Myagkaya sila»: recepciya koncepta aziatskimi gosudarstvami // Izvestiya Ural'skogo Federal'nogo Universiteta. Seriya 3:

obshhestvennye nauki. 2018. № 3. S. 79–88.

72. Kondrashov P.N. Analiz e'kzistencial'noj problematiki v filosofii Karla Marksa // Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk. Ekaterinburg: UrO RAN, 2014. Tom 14. Vyp. 3. S. 34–57.

73. Kondrashov P.N. K voprosu o vozmozhnosti postroeniya sistemy e'kzistencial'nyx kategorij v filosofii Karla Marksa // Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk. Ekaterinburg: UrO RAN, 2015. Tom 15. Vyp. 3. S. 47–64.

74. Kondrashov P.N. Konceptiya istorichnosti e'kzistencial'nogo bytiya v filosofii Karla Marksa // Izvestiya UrFU. Seriya 3. Obshhestvennye nauki. 2016. № 1. S. 125–137.

75. Kondrashov P.N. Marksistskaya teoriya povsednevnosti: popytka predvaritel'noj e'ksplikacii // Filosofiya i obshhestvo. 2006. № 3. S. 98–115.

76. Kondrashov P.N. Nabroski k prakseologicheskomu istolkovaniyu materialisticheskogo ponimaniya istorii // Al'ternativy. 2017. № 2. S. 61–83.

77. Kondrashov P.N. Ontologicheskie struktury istorichnosti: Issledovanie filosofii istorii Karla Marksa / Pod red. K.N. Lyubutina. M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2014. 320 s.

78. Kondrashov P.N. Ontologiya istorichnosti v filosofii Marksa // Logos. 2011. № 2 (81). S. 82–97.

79. Kondrashov P.N. Ponyatie e'kzistencii v filosofii Karla Marksa // Chelovek. 2016. № 2. S. 127–139.

80. Kondrashov P.N. Postfordizm: gryadushhij sintez feodalizma i fordizma ili tol'ko momenty v e'konomikax global'nogo centra? // Sociologicheskie issledovaniya. 2016. № 11 (390). S. 158–164.

81. Kondrashov P.N. Problema povsednevnosti v filosofii klassicheskogo marksizma. Dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filosofskix nauk. Ekaterinburg, 2007. 164 s.

82. Kondrashov P.N. Razvertyvanie e'kzistencii iz praksisa: popytka marksistskoj interpretacii // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina. 2016. T. 2. № 1. S. 75–84.

83. Kondrashov P.N. Filosofiya kak teoreticheskaya forma mirovozzreniya i e'kzistencial'noe otnoshenie cheloveka k miru // Alma Mater. 2016. № 11. S. 9–12.

84. Kondrashov P.N. E'kzistencial'naya kategoriya stradaniya v filosofii Karla Marksa // Vestnik Kyrghyzsko-Rossijskogo slavyanskogo universiteta. 2015. Tom 15. Vyp. № 6. S. 8–11.

85. Kondrashov P.N. E'kzistencial'nye konteksty filosofii K. Marksa // Filosofskie nauki. 2015. № 7. S. 53–67.

86. Kondrashov P.N. E'kzistencial'nyj modus istorichnosti v filosofii Karla Marksa // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya «Filosofskie nauki». 2012. № 1. S. 61–68.

87. Kondrashov P.N. Yavlyaetsya li postfordizm vozmozhnoj e'konomicheskoy sistemoy budushhego? // Vestnik Moskovskoj mezhdunarodnoj vysšej shkoly biznesa MIRBIS. 2016. № 1 (5). S. 47–51.

88. Kondrashov P.N., Vaxrusheva E.A. Nabroski k istolkovaniyu dialektiki Fredrika Dzhejmisona // Vox. Filosofskij zhurnal. 2015. № 19. S. 190–207.

89. Kondrashov P.N., Lyubutin K.N. Dialektika povsednevnosti: Popytka marksistskogo analiza. Izd. 2-e, ispr. i dop. M.: LENAND, 2015. 184 s.

90. Kondrashov P.N., Lyubutin K.N. Immanentnoe razvertyvanie social'noj istorichnosti // Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk. 2013. Tom 13. Vyp. 2. S. 22–39.

91. Kondrashov P.N., Lyubutin K.N. Ponyatie istorichnosti v filosofii K. Marksa // Filosofiya i obshchestvo. 2012. Vyp. № 4 (68). S. 5–22.

92. Kondrashov P.N., Lyubutin K.N. Filosofsko-istoricheskij metod K. Marksa // Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk. 2012. Vyp. 12. S. 51–69.

93. Lyubutin K.N., Kondrashov P.N. Istoricheskaya fenomenologiya beschelovechnosti. Ekaterinburg: UrO RAN, 2010. 246 s.

94. Lyubutin K.N., Kondrashov P.N. Istorichnost' povsednevnosti: ot feodalizma k kapitalizmu // Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk. 2006. Vyp. 6. S. 49–77.

95. Lyubutin K.N., Kondrashov P.N. Naslazhdenie kak konstitutivnyj princip istorichnosti v filosofii K. Marksa // Izvestiya Ural'skogo gosudarstvenno universiteta. Seriya «Obshchestvennye nauki». 2009. № 3. S. 177–189.

96. Lyubutin K.N., Kondrashov P.N. Tri modeli istoricheskogo processa v filosofii istorii K. Marksa // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. 2009. № 1 (1). S. 62–73.

97. Lyubutin K.N., Kondrashov P.N. Tri modeli istoricheskogo processa v filosofii K. Marksa // Gumanitarnye nauki v Sibiri. Seriya: Filosofiya i pravo. 2009. № 1. S. 31–37.

98. Mart'yanov V.S. Institucional'noe protivodejstvie korrupcii: zakonodatel'nyj karkas i obshchestvennyj kontrol' // Aktual'nye problemy nauchnogo obespecheniya gosudarstvennoj politiki Rossijskoj Federacii v oblasti protivodejstviya korrupcii: sb. tr. po itogam Vseros. nauch. konf. / otv. red. V.N. Rudenko; red. K.V. Kiselev, E.A. Stepanova, V.V. E'mix; In-t filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk. Ekaterinburg: 2014. S. 66–77.

99. Mart'yanov V.S. Kreativnyj gorod: urbanisticheskaya teoriya neoliberalizma i ee al'ternativy // Sociodinamika. 2016. № 7. S. 38–48.

100. Mart'yanov V.S. Modernizaciya moral'no-politicheskix i pravovyx reguljatorov kak sposob protivodejstviya korrupcii // Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk. 2014. T. 14. № 2. S. 108–142.

101. Mart'yanov V.S. Nashe rentnoe budushhee: global'nye kontury obshchestva bez truda? // SOСIS. 2017. № 5. S. 141–153.

102. Mart'yanov V.S. Pereosmyslyaya Arktiku: dinamika rossijskix prioritetov // Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk. 2013. T. 13. № 1. S. 83–96.

103. Mart'yanov V.S. Politicheskij poryadok Moderna v kontekste rentnoj transformacii kapitalizma // Politicheskaya konceptologiya. 2017. № 3. S. 53–65.

104. Mart'yanov V.S. Problema legitimacii progressora kak uslovie politicheskij gegemonii // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2014. № 1 (14). S. 103–112.

105. Mart'yanov V.S. Protivodejstvie korrupcii v situacii novej rossijskoj soslovnosti // Vestnik RAN. 2017. Tom 87. № 6. С. 511–519.

106. Mart'yanov V.S. Rentnaya demokratiya // Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk. 2016. T. 16. № 3. S. 41–60.
107. Mart'yanov V.S. Rentno-soslovnaya transformaciya rossijskogo obshhestva // Neprikosnovennyj zapas. Debaty o politike i kul'ture. 2016. № 5. S. 106–124.
108. Mart'yanov V.S. Rossijskij politicheskij porjadok v rentno-soslovnoj perspektive // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2016. № 4. S. 81–99.
109. Mart'yanov V.S. Seti i ierarxii gorodov v global'nom mire: modernizacionnyj potencial i predely e'kspansii // ME'iMO. 2017. T. 61. № 6. C. 57–66.
110. Mart'yanov V.S. Social'naya stratifikaciya sovremennyx obshhestv: ot e'konomicheskix klassov k rentnym gruppam // SOCIS. 2016. № 10. S. 139–148.
111. Mart'yanov V.S. Transformaciya faktorov razvitiya severnyx gorodov Rossii: vnutrennie migracii i diversifikaciya resursov // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2013. Vyp. 13. C. 66–73.
112. Mart'yanov V.S., Pankevich N.V., Starcev Ya. Yu., E'mix V.V. Interesy mirovyx derzhav v Arktike: po rezul'tatam monitoringa vedushhix SMI // Socium i vlast'. 2017. № 2. S. 41–52.
113. Mart'yanov V.S., Rudenko V.N. Rossijskie megapolis: ot industrial'nyx gorodov k strategii mnogofunktional'nyx aglomeracij // Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk. 2012. Vyp. 12. S. 316–330.
114. Moiseenko Ya. Yu. Ambivalentnaya priroda konformizma v rakurse politicheskoi teorii // Materialy XX Mezhdunarodnoj konferencii «Kul'tura, lichnost', obshhestvo v sovremennom mire: metodologiya, opyt e'mpiricheskogo issledovaniya / redakcionnaya kollegiya: Grunt E. V., Merenkov A. V., Rybcova L. L., Starshinova A. V. Ekaterinburg, UrFU, 2016.
115. Moiseenko Ya. Yu. Diskurs konformizma / Nauchnyj zhurnal «Diskurs Pi» 2013. № 2 (12). S. 252–255.
116. Moiseenko Ya. Yu. Kolonial'naya politika v diskurse konformizma: mezhdru «imperializmom» i «Imperiej» // «Lokus»: Lyudi, obshhestva, kul'tury, smysly. 2017. № 2 (28). S. 107–118.
117. Moiseenko Ya. Yu. Konformizm kak immanentnyj e'lement totalitarnyx, avtoritarnyx i liberal'no-demokraticheskix politicheskix rezhimov // Vestnik Gumanitarnogo Universiteta. 2017. № 1 (16). C. 64–72.
118. Moiseenko Ya. Yu. Konformizm kak cennostnoe osnovanie ideologii prav cheloveka // Materialy konferencii V Dekabr'skie chteniya po pravam cheloveka «Lichnost', socium i mir» / pod red. O.N. Bogatyryovoj. Ekaterinburg, UrFU, 2016. C. 138–145.
119. Moiseenko Ya. Yu. Mobil'nost' kak faktor politicheskoi socializacii individa // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2013. № 13. S. 40–43.
120. Moiseenko Ya. Yu. Mobil'nost' kak forma massovogo konformistskogo soznaniya / Nauchnyj zhurnal «Diskurs Pi». 2015. № 2 (19). S. 39–47.
121. Moiseenko Ya. Yu. «Myagkaya sila» konformizma i kreativnosti v global'nom mire. // Soft power: teoriya, resursy, diskurs / pod redakciej O.F. Rusakovoj. – Ekaterinburg: Izdatel'skij Dom «Diskurs-Pi», 2015. S. 80–94.
122. Moiseenko Ya. Yu. Resursy i instrumentarij intellektual'nogo kolonializma: vvedenie v teoreticheskij analiz // Intellektual'nyj kolonializm

na global'nom obrazovatel'nom rynke: monografiya / Sharonova S.A. i dr.; [pod red. doktora sociologicheskix nauk S.A. Sharonovoj i kandidata filosofskix nauk N.V. Trubnikovoj]. M.: RUDN, 2017. S. 33–61.

123. Moiseenko Ya. Yu. Fenomenologiya mobil'nosti: metodologicheskij aspekt // Nauchnyj zhurnal «Diskurs Pi». 2016. № 2 (23). S. 34–42.

124. Moiseenko Ya. Yu. Fenomenologiya smart power: kratologicheskij aspekt // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2017. № 3 (28). S. 150–155.

125. Moiseenko Ya. Yu. «Homo mobilis» kak antropologicheskij tip: genezis // Trudy Nauchnogo Obshhestva KZhT UrGUPS. Vypusk 1. Filosofiya. Psixologiya. Pedagogika: sbornik nauchnyx statej / pod red. A.S. Lun'kova. Ekaterinburg: Izdatel'skij Dom «Azhar», 2015. S. 20–25.

126. Moshkin S. V. Bazovyje principy formirovaniya nacional'nogo parlamenta v federativnom gosudarstve // Konstitucionalizm v sovremennoj mirovoj i rossijskoj istorii. Vtorye El'cinskie chteniya: materialy Mezhdunarod. nauch. konf. [sost. Yu. V. Zaparij]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2014. S. 114–120.

127. Moshkin S. V. «Vneshnyaya politika Rossii: «gibridnaya vojna» vmesto «myagkoj sily» // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2014. № 1 (14). S. 168–173.

128. Moshkin S. V. «Voennye marksisty» protiv Trockogo // Politicheskaya e'kspertiza: Polite'ks. 2012. T. 8. № 4. S. 84–99.

129. Moshkin S. V. Diplomatischeeskaya vojna za Chernomorskie prolivy v 1944–1946 godax // Diskurs-Pi. Nauchnyj zhurnal. 2016. № 1 (22). S. 112–116.

130. Moshkin S. V. Diskussiya o «krasnoj intervencii» // Svobodnaya mysl'. 2012. № 9–10 (1635). S. 117–128.

131. Moshkin S. V. Istoriya odnoj fal'sifikacii, ili chto delat' s gorodskimi legendami? Kazus Efima Artamonova // Rodina. 2014. № 6. S. 40–41.

132. Moshkin S. V. Zakarpat'e – poslevoennoe priobretenie Stalina // Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk. 2012. Vyp. 11. S. 389–407.

133. Moshkin S. V. Zakarpat'e – «sluchajnoe» priobretenie Stalina // Svobodnaya mysl'. 2012. № 1/2 (1631). S. 145–156.

134. Moshkin S. V. Kogda i gde nachalas' xolodnaya vojna? // «Ya dolzhen vspomnit' – e'to bylo...» K 70-letiyu Velikoj Pobedy: monografiya / otv. red. A. A. Stepanova. Dnepropetrovsk: Akcent PP, 2015. S. 163–171.

135. Moshkin S. V. Korrupcionnye zony informacionnogo obsluzhivaniya vlasti // Aktual'nye problemy nauchnogo obespecheniya gosudarstvennoj politiki Rossijskoj Federacii v oblasti protivodejstvija korrupcii: sb. tr. po itogam Vseros. nauch. konf., In-t filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk. Ekaterinburg: 2014. S. 230–237.

136. Moshkin S. V. Marksovo ponimanie suti politicheskij deyatel'nosti // Socium i vlast'. 2015. № 6 (56). S. 77–81.

137. Moshkin S. V. Motivy i istochniki sovetskoj modernizacii // Rossiya mezhdru modernizaciej i arxaizaciej: 1917–2017 gg.: materialy XX Vseros. nauch. – prakt. konf. Gumanitarnogo un-ta, 11–12 apr. 2017 g.: doklady / redkol. L. A. Zaks i dr.: v 2 t. T. 1. Ekaterinburg: Gumanitarnyj un-t, 2017. S. 50–52.

138. Moshkin S. V. Nравstvennyj imperativ gumanitarnyx intervencij // Cennosti i normy v potoke vremeni: materialy VI Mezhdunarodnoj nauchnoj

konferencii (Kurgan, 9–10 aprelya 2015 g.) / otv. red. B.S. Shalyutin. Kurgan: Izd-vo Kurganskogo gos. un-ta, 2015. S. 83–85.

139. Moshkin S.V. Politicheskaya deyatel'nost' i grazhdanskoe uchastie // Obshhaya tetrad'. Vestnik Moskovskoj shkoly grazhdanskogo prosveshheniya. 2015. № 1 (67). S. 77–80.

140. Moshkin S.V. Politicheskaya e'volyuciya postsovetskix stran Central'noj Azii i Rossii // Evrazijstvo: istoriya i sovremennost' konstrukcii «duxovnosti» v strategiyax vlasti i e'tika sovremennyx povsednevnyx praktik: sb. st. V Mezhdunar. nauch. – teor. ochno-zaochnoj konf. (Ekaterinburg, 10 aprelya 2015 g.) / [otv. za vyp. M.V. Vorob'eva]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. gos. e'kon. un-ta, 2015. S. 40–47.

141. Moshkin S.V. Pochemu Xrushhev peredal Krym Ukraine? Sud'bu poluostrova predopredelilo prostoe xozyajstvennoe reshenie // Rossijskaya gazeta. Ezhednevnoe gosudarstvennoe izdanie. Oficial'nyj pechatnyj organ Pravitel'stva Rossijskoj Federacii [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://www.rg.ru/2014/04/15/hrushev-site.html> (data obrashheniya: 29.10.2018).

142. Moshkin S.V. Prava cheloveka ili gosudarstvennyj suverenitet? Zatyauvshiesya spory vokrug gumanitarnyx intervencij // Gumanitarnaya diplomatiya: lichnost', socium, mir, prava cheloveka: Materialy mezhdunarodnogo konventa. 4–6 dekabrya 2014 goda. Ekaterinburg: Gumanitarnyj universitet, 2015. S. 217–226.

143. Moshkin S.V. Rezhim imitacionnoj demokratii // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2015. № 1 (18). S. 138–143.

144. Moshkin S.V. «Svyashhennaya korova» gubernatorov. Mediaresursy vlasti i korrupcionnye riski // Obshhaya tetrad': Vestnik Moskovskoj shkoly politicheskix issledovanij. 2014. № 1 (64). S. 39–47.

145. Moshkin S.V. SSSR – Turciya: diplomaticheskaya vojna za prolivy v 1944–1946 godax // 70-letie Velikoj Pobedy: istoricheskij opyt i problemy sovremennosti. Devyatye ural'skie voenno-istoricheskie chteniya. Sbornik nauchnyx statej. V 2-x chastyax. Ekaterinburg: Bank kul'turnoj informacii, 2015. Ch. II. S. 373–378.

146. Moshkin S.V. Ural'skaya respublika. Xroniki // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2013. № 13 (2013). S. 103–107.

147. Nezhdanov D.V., Rusakova O.F. «Politicheskij rynek» kak sistemoobrazuyushhaya metafora sovremennogo politologicheskogo diskursa // Polis. 2011. № 4. S. 158–170.

148. Romanova K.S. Diskurs metodov i form myagkoj sily (soft power) v sistemax upravleniya // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2018. № 1 (30). S. 96–103.

149. Romanova K.S. Diskursy istoricheskoy pamyati // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2016. № 3 (24). S. 31–36.

150. Romanova K.S. Diskursy istoricheskoy pamyati (prodolzhenie) // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2017. № 1 (26). S. 36–42.

151. Romanova K.S. Manipulyaciya kak forma «myagkoj» vlasti // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2015. № 1 (18). S. 131–135.

152. Romanova K.S. Mificheskie obrazy i real'nost' v traveloge // Diskurs filosofskogo puti. Materialy kruglogo stola VI Rossijskogo filosofskogo kongressa. Nizhnij Novgorod, 27–30 iyunya 2012 g. / Pod red. O.F. Rusakovoj. Ekaterinburg:

ID «Diskurs-Pi». 2012. 128 s. S. 79–86.

153. Romanova K.S. Performans povsednevnoj zhizni // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2014. № 1 (14) S. 15–18.

154. Romanova K.S. Politicheskie i social'no-psixologicheskie diskursy proshlogo i budushhego // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2013. № 12. S. 191–194.

155. Romanova K.S. Svoystva social'nogo prostranstva i vremeni kak faktory, opredelyayushhie mobil'nost' lichnosti // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2015. № 3–4 (20–21). S. 88–93.

156. Romanova K.S. Travelog: dvizhenie k sebe ili begstvo ot sebya? Mental'nye osobennosti i kul'turnoe raznoobrazie // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2015. № 1 (18). S. 15–18.

157. Rossijskaya Arktika v poiskax integral'noj identichnosti: koll. monogr. / otv. red. O.B. Podvincev – M.: Novyj xronograf, 2016. 208 s.

158. Rudenko V.N. Bol'shie grazhdanskije zhyuri v Kalifornii i ix rol' v protivodejstvii korrupcii // Aktual'nye problemy nauchnogo obespecheniya gosudarstvennoj politiki Rossijskoj Federacii v oblasti protivodejstviya korrupcii Sbornik nauchnyx trudov po itogam Vtoroj Vserossijskoj nauchnoj konferencii. Ekaterinburg, 2016. S. 287–307.

159. Rudenko V.N. Bol'shoe zhyuri kak institut grazhdanskogo uchastiya v otpravlenii pravosudiya // Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk. 2011. № 11. S. 467–488.

160. Rudenko V.N. Grazhdanskije bol'shie zhyuri kak forma obshhestvennogo kontrolya // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2017. № 2 (27). S. 22–30.

161. Rudenko V.N. Deliberativnaya demokratiya v aksiologii zashhity prav cheloveka // Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk. 2017. T. 17. № 4. S. 115–127

162. Rudenko V.N. Demokraticeskoe verxovenstvo prava i politicheskie rezhimy // Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk. 2013. T. 13. № 4. S. 57–73.

163. Rudenko V.N. Kleroterion kak vyrazhenie Afinskoj modeli demokratii // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2005. № 1 (5). S. 159–162.

164. Rudenko V.N. Quaestiones perpetuae ili drevnerimskij opyt pravosudiya bez korrupcii // Aktual'nye problemy nauchnogo obespecheniya gosudarstvennoj politiki Rossijskoj Federacii v oblasti protivodejstviya korrupcii Sbornik trudov po itogam Vserossijskoj nauchnoj konferencii. Ekaterinburg, 2014. S. 443–454.

165. Rudenko V.N. Pryamaya demokratiya: modeli pravleniya, konstitucionno-pravovye instituty. Ekaterinburg: UrO RAN, 2003. 474 s.

166. Rudenko V.N. Sistema smeshannyx sudov v Yaponii // Gosudarstvo i pravo. 2010. № 1. S. 95–102.

167. Rudenko V.N. «Chistaya demokratiya» i ee atributy // Vestnik Novosibirskogo Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. 2012. T. 10. № 3. S. 120–126.

168. Rusakov V.M., Rusakova O.F. Filosofiya mobil'nosti v sovremennom mire // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2015. № 2 (19). S. 10–18.

169. Rusakova O.F. Agonal'nost' kak strategiya politicheskogo mediadiskursa v usloviyax informacionnoj vojny // Kommunikaciya v politike, biznese

i obrazovanii: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii 17–19 maya 2017 goda. Nauchnoe e'lektronnoe izdanie. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2017. 272 s. S. 67–69.

170. Rusakova O.F. Diskurs gle'm-kul'tury // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi», 2013. № 13. S. 143–146.

171. Rusakova O.F. Diskurs sovremennoj politicheskoy filosofii: stanovlenie novoj konceptual'noj sfery // Nauvi zapiski Lugan'skogo natsional'nogo universitetu. Seriya «Filologichni nauki». Diskursologiya: mova, kul'tura, suspil'stvo: zb. Nauk. prac". Lugan'sk: Vid-vo DZ «LNU imeni Tarasa Shevchenka», 2013. S. 56–71.

172. Rusakova O.F. Diskurs soft power vo vneshnej politike // Vestnik YuUrGU, № 32 (291). Seriya «Social'no-gumanitarnye nauki». 2012. Vyp. 19. S. 118–121.

173. Rusakova O.F. Kommunikativnye strategii performativnogo diskursa // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2014. № 1 (14). S. 12–14.

174. Rusakova O.F. Koncept i strategiya kreativnogo goroda // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2013. № 13. S. 78–82.

175. Rusakova O.F. Koncept «myagkoj sily» (Soft Power) v sovremennoj politicheskoy filosofii // Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk. 2010. Vypusk 10. S. 203–229.

176. Rusakova O.F. Koncept smart power kak teoreticheskoe osnovanie politicheskoy strategii // Soft power: teoriya, resursy, diskurs / pod red. O.F. Rusakovej. Ekaterinburg: Izdatel'skij Dom «Diskurs-Pi», 2015. S. 33–43.

177. Rusakova O.F. Mediadiskurs kak instrument konstruirovaniya politicheskoy real'nosti // Mass-media i massovye kommunikacii: status nauchnyx i uchebnyx disciplin: Pervyj mezhdunarodnyj nauchnyj kollokvium. Belgorod, BelGU, 26–27 sentyabrya 2013. Sbornik nauchnyx rabot. – Belgorod: IPC «POLTERRA», 2013. S. 95–99.

178. Rusakova O.F. Mediadiskurs kak koncept discipliny «politicheskaya kommunikativistika» // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universtiteta. Gumanitarnye nauki. 2013. № 27 (170). Vyp. 20. Bibliogr. S. 159–160.

179. Rusakova O.F. Kratologicheskaya model' diskursa soblazna // Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3. Obshhestvennye nauki. 2011. № 4 (97). S. 135–144.

180. Rusakova O.F. Metaforika i konceptosfera diskursa mobil'nosti // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2013. Vyp. 13. S. 19–25.

181. Rusakova O.F. Metodologicheskie problemy kategorial'nogo i instrumental'nogo analiza soft power // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2014. № 1 (14). S. 68–74.

182. Rusakova O.F. Mobil'nost' kak instrument politicheskoy kommunikacii // Materialy XVII Mezhdunarodnoj konferencii «Kul'tura, lichnost', obshhestvo v sovremennom mire: metodologiya, opyt e'mpiricheskogo issledovaniya. Pamyati professora L.N. Kogana /redakcionnaya kollegiya: Grunt E.V., Korableva G.B., Komleva N.A. i dr. Ekaterinburg: UrFU, 2014. S. 881–892.

183. Rusakova O.F. Paradigma mobil'nosti v diskurse gumanitarnyx issledovanij // Stilistika segodnya i zavtra: materialy IV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. M.: F-t zhurn. MGU, 2016. 639 s. S. 501–503.

184. Rusakova O.F. Performativnyj povорот v politicheskoy

kommunikativistike // VI Vserossijskij kongress politologov «Rossiya v global'nom mire: Instituty i strategii politicheskogo vzaimodejstviya». Materialy. Moskva, 22–24 noyabrya 2012. M.: Rossijskaya asociaciya politicheskoy nauki, 2012. S. 402–403.

185. Rusakova O.F. Politicheskaya vlast' mediadiskursa // Sovremennye informacionno-psixologicheskie vojny v politicheskom prostranstve Rossii: kommunikativnye, geopoliticheskie i e'tnokul'turnye tendencii. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii i kruglogo stola (s mezhdunarodnym uchastiem). Ekaterinburg, 13–16 sentyabrya 2010 goda. Ekaterinburg, GOU VPO «Ural'skij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet», 2010. S. 145–153.

186. Rusakova O.F. Politicheskij mediadiskurs: opyt strukturnogo analiza // Vzaimodejstvie yazykov i kul'tur: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, 28–30 maya 2018 g. / pod red. O.A. Turbinov. Chelyabinsk: Izdatel'skij centr YuUrGU, 2018. T. 1. S. 237–240.

187. Rusakova O.F. Prezentacionnyj diskurs // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2013. № 13. S. 141–143.

188. Rusakova O.F. Shou-politika: osobennosti diskursa // Socium i vlast'. Socium i vlast'. 2009. № 4 (24). S. 36–39.

189. Rusakova O.F. Soft power kak strategicheskij resurs i instrument formirovaniya gosudarstvennogo brenda: opyt stran Azii // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3. Obshhestvennye nauki. 2013. № 3 (118). S. 52–61.

190. Rusakova O.F., Bocharov A.V., Gribovod E.G. Konceptual'nye osnovaniya strategii cvetnoj revolyucii: teorii soft power, upravlyaemogo xaosa i mediatizacii politiki // Socium i vlast'. 2014. № 4. S. 42–47.

191. Rusakova O.F., Gribovod E.G. Politicheskij mediadiskurs i mediatizaciya politiki kak koncepty politicheskoy kommunikativistiki // Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk. 2014. T. 14. Vyp. 4. S. 65–77.

192. Rusakova O.F., Kvyatkovskij K.O. Osnovnye metodologicheskie podxody k issledovaniyam diskursa politicheskoy blogosfery // Socium i vlast'. 2011. № 3 (31). S. 70–74.

193. Rusakova O.F., Kovaleva (Kovba) D.M. «Myagkaya sila» i «umnaya vlast'»: konceptual'nyj analiz // Socium i vlast'. 2013. № 3. S. 118–132.

194. Rusakova O.F., Kovba D.M. Strategicheskie modeli «myagkoj sily» stran vostochnoaziatskogo regiona // Politicheskaya e'kspertiza: POLITE'KS. 2016. № 2. S. 14–29.

195. Rusakova O.F., Korneeva V.A. Sport kak sfera primeneniya «myagkoj» i «zhestkoj» sil politicheskogo vliyaniya // Teorii i problemy politicheskix issledovaniy. 2016. № 5. S. 206–218.

196. Rusakova O.F., Moiseenko Ya. Yu. Sovremennaya politicheskaya teoriya/filosofiya v zerkale issledovaniya Me't'yu Dzh. Mura // Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk. 2013. T. 13. Vyp. 4. S. 18–31.

197. Rusakova O.F., Rusakov V.M. Gorod kak prostranstvo istoricheskoy pamyati // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2017. № 1 (26). S. 22–35.

198. Rusakova O.F., Rusakov V.M. Diskursy i koncepty «Myagkogo vliyaniya» v sovremennom gumanitarnom znaniy // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo

universiteta. Seriya: Filosofiya. 2012. T. 10, vyp. 3. S. 161–167.

199. Rusakova O.F., Rusakov V.M. «Myagkaya sila» diskursa politicheskix mediaobrazov: analiz strategicheskix e'ffektov // Izvestiya UrFU. Seriya 3. Obshhestvennye nauki. 2017. Tom 12. № 1 (161). S. 53–67.

200. Rusakova O.F., Rusakov V.M. «Myagkaya sila» kak instrument politicheskoy kommunikacii i gumanitarnoj diplomatii // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2017. № 1 (26). S. 61–72.

201. Rusakova O.F., Rusakov V.M. Paradigma mobil'nosti v sovremennom politicheskom mediadiskurse // Voprosy politologii. 2016. № 4 (24). S. 79–87.

202. Rusakova O.F., Rusakov V.M. Pravyj povorot v sovremennom politicheskom diskurse i krizis neoliberalizma // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2016. № 3. S. 13–22.

203. Rusakova O.F., Rusakov V.M. Realizaciya texnologij «myagkoj sily» vo vneshnej politike Rossii // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2014. № 2–3 (15–16). S. 58–65.

204. Rusakova O.F., Kochneva E.D. Ocenki Oktyabr'skoj revolyucii v oficial'nom diskurse politiki pamyati // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2017. № 3–4 (28–29). S. 17–30.

205. Rusakova O.F., Rusakov V.M. PR-diskurs: Teoretiko-metodologicheskij analiz. – 2-e izd., ispr. i dop. Ekaterinburg: UrO RAN, ID «Diskurs-Pi». 2011. 336 s. S. 170–179.

206. Rusakova O.F., Xmelinin A.A. Global'naya strategiya neoliberal'nyx transformacij: kriticheskij analiz // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2015. № 2 (19). S. 91–101.

207. Rusakova O.F., Xmelinin A.A. Ideologicheskaya mobil'nost' sovremennogo neoliberalizma // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2013. № 13. S. 88–92.

208. Rusakova O.F., Xmelinin A.A. Neoliberal'nyj diskurs: strategii i texnologii konstruirovaniya novoj sub'ektnosti // Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk. 2012. Vyp. 12. S. 259–271.

209. Rusakova O.F., Xmelinin A.A. Problema kriticheskogo analiza neoliberalizma v sovremennoj politicheskoy filosofii // Socium i vlast'. 2014. № 2 (46). S. 41–48.

210. Traxtenberg A.D. V poiskax utrachennoj al'ternativy: Internet kak ob'ekt analiza v vosxodyashhix k Zh. Lakanu teoriyax media-diskursa // Izvestiya UrGU. № 1. 2010. S. 28–38.

211. Traxtenberg A.D. «Veshhi, kotorye nedostupny byli ranee»: komp'yutery i Internet v strukturax povsednevnosti // Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk. 2009. Vyp. 9. S. 333–353.

212. Traxtenberg A.D. Internet i vozrozhdenie «publichnoj sfery»: xabermasianskij ideal i real'nost' Runeta // Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk. 2007. Vyp. 7. S. 224–230.

213. Traxtenberg A.D. Internet kak vozvysennyj ob'ekt ideologii v antikapitalisticheskoy ritorike // Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk. 2008. Vyp. 8. S. 242–256.

214. Traxtenberg A.D. Informacionnaya revolyuciya v zerkale obydenno

soznaniya: komp'yutery i Internet v diskurse povsednevnosti // *Socium*. 2009. № 4. S. 14–19.

215. Traxtenberg A.D. «Komp'yutery na Rossiyu kak ushat vody vylili»: informacionno-kommunikacionnye tekhnologii glazami pozhilyx lyudej // *Nauchno-prakticheskij al'manax «Diskurs-Pi»*. 2010. № 10. S. 117–120.

216. Traxtenberg A.D. E'lektronnoe pravitel'stvo: sostoitsya li «izobrenenie gosudarstva zanovo»? // *Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk*. 2011. Vyp. 11. S. 285–297.

217. Traxtenberg A.D. E'lektronnoe pravitel'stvo: texnokraticheskaya utopiya ili vostrebovannaya struktura? // *Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk*. 2011. Vyp. 11. S. 253–269.

218. Traxtenberg A.D. E'lektronnoe pravitel'stvo i e'lektronnye uslugi: operacionalizaciya administrativnoj ideologii i taktiki grazhdan // *Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk*. 2016. T. 16. № 2. S. 63–79.

219. Traxtenberg A.D. «E'lektronnoe pravitel'stvo» kak ideologicheskij konstrukt: kak rabotaet ritorika razryva? // *Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk*. 2017. T. 17. № 2. S. 41–58.

220. Fan I.B. Diskurs mobil'nosti v obshhestve pozdnego Moderna // XIX mezhdunarodnaya konferenciya pamyati professora L.N. Kogana «Kul'tura, lichnost', obshhestvo v sovremennom mire: metodologiya, opyt e'mpiricheskogo issledovaniya» / red. kollegiya: Grunt E.V., Merenkov A.V., Rybcova L.L., Starshinova A.V.: *Materialy konf.*, 17–18 marta 2016 g. Ekaterinburg: UrFU. S. 895–903.

221. Fan I.B. Diskurs mobil'nosti i problematizaciya modeli nacional'nogo grazhdanstva // *Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi»*. 2015. № 2 (19). S. 24–29.

222. Fan I.B. Diskurs patriotizma: ot mnogoobraziya k monopolii // *Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi»*. 2013. № 11–12. S. 147–153.

223. Fan I.B. Liberal'nyj diskurs grazhdanstvennosti // *Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi»*. 2017. № 2 (27). S. 170–173.

224. Fishman L. Antie'kstremistskij diskurs – vzbeshivshijsya liberalizm? // *Svobodnaya mysl'*. 2016. № 4. S. 39–48.

225. Fishman L.G. Ideologiya i pobeda // *Politiya*. 2015. № 3. S. 111–119.

226. Fishman L. «Ideologiya pobedy» i eyo imitaciya ili Pochemu Rossiya ne Amerika // *Levaya politika*. 2016. № 25–26. S. 132–141.

227. Fishman L. O «russkom mire» i besperspektivnosti «nedonacionalizma» // *Neprikosnovennyj zapas*. 2015. № 1. S. 261–268.

228. Fishman L.G. Poluchilos' kak vseгда. Ideologicheskie potrebnosti rossijskoj e'lity: spros i predlozhenie // *Politicheskaya konceptologiya*. 2017. № 1. S. 125–135.

229. Fishman L.G. Transgumanizm – tupikovaya vetv' Prosveshheniya? // *Postchelovek i Postchelovechestvo: Budushhee civilizacii ili eyo konec? (Kruglyj stol)* / Xoruzhij S.S., Fishman L.G., Komleva N.A., Manojlo A.V., Bagdasaryan V.E., Radikov I.V., Fedorchenko S.N., Abramov A.V. // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (e'lektronnyj zhurnal)*. 2016. № 3. С. 23–33.

230. Fursov K.K. Diskurs vrazhdy: ponyatie i sovremennye praktiki //

Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2015. № 1 (18). S. 25–30.

231. Fursov K.K. «Diskurs vrazhdy» mass-media: sovremennye tendencii. // Novaya nauka: opyt, tradicii, innovacii. 2017. № 5–2. S. 23–27.

232. Fursov K.K. Kategoriya vrazhdy v politicheskix issledovaniyax: diskursivnyj aspekt // Filosophiya. Tolerantnost'. Globalizaciya. Vostok i Zapad – dialog mirovozzrenij: tezisy dokladov VII Rossijskogo filosofskogo kongressa. T. 2. S. 353–354.

233. Fursov K.K. «Myagkaya», «zhyostkaya» i «umnaya» sila v politicheskom diskurse mezhdunarodnogo krizisa vokrug Ukrainy // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2014. № 2–3 (15–16). S. 129–133.

234. Fursov K.K. Proyavlenie diskursa vrazhdy v zhanre avtobiografii v ramkax processa vertikal'noj politicheskoy mobil'nosti // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2015. № 2 (19). S. 47–52.

235. Fursov K.K. Sub"ekty politicheskogo «diskursa vrazhdy» v prostranstve mass-media. // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2017. № 2 (27). S. 146–153.

236. Yarkeev A. Bytie prav cheloveka v diskurse biopolitiki // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2017. № 11 (114). S. 451–453.

237. Yarkeev A. Bytie social'nogo v pole pravovoj diskursivnosti // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Filosophiya. Psixologiya. Pedagogika. 2016. T. 26. № 3. S. 14–21.

238. Yarkeev A. Zlo kak sposob samoopredeleniya social'nogo bytiya v strukturax pozitivnoj i negativnoj diskursivnosti // Vestnik Udmurtskogo universiteta. 2014. № 3–4. S. 25–30.

239. Yarkeev A. Konstruirovaniye diskursa social'noj ontologii v strukturax negativnosti // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki. 2013. № 11–1. S. 213–215.

240. Yarkeev A. Samokonstituirovaniye social'noj real'nosti v diskurse terrorizma // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki. 2016. № 10. S. 211–212.

241. Yarkeev A. Social'noe konstruirovaniye «opasnogo individa» v sudebno-medicinskom diskurse // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2016. № 9 (100). S. 401–403.

242. Soft power: teoriya, resursy, diskurs / pod red. O.F. Rusakovoj – Ekaterinburg: Izdatel'skij Dom «Diskurs-Pi», 2015. 376 s.

243. Ilchenko M. Avant-Garde Architecture in Search for the New Languages of Description // Autoportret. Pismo o Dobrej Przesztrzeni. № 2 (53). 2016. S. 74–79.

244. Ilchenko M. Utopian spaces: Symbolic transformation of the “Socialist Cities” under post-Soviet conditions // Re-Imagining the City: Municipality and Urbanity Today from a Sociological Perspective», Ed. by M. Smagacz-Poziemska, K. Frysztacki, A. Bukowski. Jagiellonian University Press, 2017. S. 32–52.

245. Trakhtenberg A.D. Electronic State Services from the Government's and Citizens' Standpoint // Proceedings of the 2015 2nd International Conference on Electronic Governance and Open Society: Challenges in Eurasia St. Petersburg, Russian Federation – November 24–25, 2015.

UDC 327

DOI 10.17506/dipi.2018.31.2.30113

PERSONAL CONTRIBUTION OF URAL SCIENTISTS TO THE STUDY OF POLITICAL DISCOURSES: A STRUCTURAL AND THEMATIC REVIEW

Rusakova Olga Fredovna,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Political Sciences, Professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Gribovod Ekaterina Grigorievna,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Candidate of Political Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: gribovod_kate@mail.ru

Annotation

The main goal of this article is to disclose the most significant individual achievements of Ural scientists working at the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences in the field of research on specific types of political discourse and methods of its analysis.

The review provides a brief description of the main discourse topics, personally developed by the Ural scientists. All materials are structured according to thematic headings, fixing attention to the scientific interests of the authors. The content of the headings is mainly presented in the author's edition. The materials are presented mainly in the form of postulates and conclusions. The developed review model allows for a holistic presentation of the contribution of each Ural scholar to the development of political discourse science.

Key concepts:

the discourse of political philosophy, the discourse of Marxism, the discourse of the postmodern, the discourse of post-Fordism, postcapitalism discourse, deliberative discourse, neoliberal discourse, urban discourse, the discourse of citizenship, the discourse of democracy, the discourse of conformity, the media discourse, the discourse of mediatization of politics, the discourse of soft power, the discourse of mobility, the discourse of the politics of memory.